

Дом проклятых душ

Автор:

Елена Арсеньева

Дом проклятых душ

Елена Арсеньевна Арсеньева

Оказывается, сон – опасная штука! Маша Миронова узнала это на собственном опыте. Благодаря сну она влюбилась в какого-то загадочного типа по имени Иван Горностай. Благодаря сну отправилась в заброшенную родную деревушку. Зброшенная-то она заброшенная, однако там запросто можно встретиться с ведьмами и призраками, явившимися из прошлого, а также с бывшим другом детства, который тоже ищет Ивана Горностая – однако не для того, чтобы спасти его, а чтобы убить. Ну и Машу заодно...

Елена Арсеньевна Арсеньева

Дом проклятых душ

Полон воздух забытой отравы,

Не известной ни миру, ни нам.

Через купол ползучие травы,

Словно слезы, бегут по стенам...

Юрий Кузнецов

© Арсеньева Е., текст, 2019

© Чернова Е., иллюстрация на переплете, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

...Черная козочка захворала, и захворала нешуточно: это было ясно даже Маше, которая не понимала вообще ничего ни в какой деревенской животине. Козочка лежала на полу возле лавки, крепко зажмурившись и бессильно свесив голову; дышала неровно, слабо вздымая бока, и видно было, какие у нее сухие ноздри.

«Ах, бедняжка, ишь как жаром пышет!» – с неожиданной жалостью подумала Маша.

– Забить надо, пока не сдохла, слышь, Ефимовна! – пробормотал кто-то сзади.

Маша хотела оглянуться, но в эту минуту невысокая немолодая женщина вышла из темных сеней с деревянной бадейкой, наполненной водой, и понесла ее к печи.

Маша озадаченно нахмурилась. Такие раритетные бадейки она видела только в кино про старинную жизнь. А что, эмалированные и цинковые ведра здесь уже в дефиците?

Похоже, здесь не только ведра в дефиците, но и нормальная одежда. С чего вдруг женщина напялила на себя какой-то синий сарафан, перехваченный под грудью, и рубаху с пышными рукавами? Почему голова ее так странно повязана платком, как будто обвита им? Старинное слово «повойник» пришло на ум, и Маша растерянно хлопнула глазами.

Сарафан, повойник, бадейка... А вид этой закопченной кухоньки? А неуклюжая, из камня сложенная печь, на которой исходит паром большой горшок?..

Ефимовна... где-то Маша слышала это отчество, причем недавно!

– Тебе лишь бы кого-нибудь забить, Донжа, – буркнула Ефимовна, обращаясь к тому, кто подал ей столь угрюмый и жестокий совет, но не поворачиваясь к нему. – Неужто не назабывался еще?

Донжа! Маша схватилась за сердце. Колдун, убийца, о котором говорили Горностаи и Марусенька!

Хотела посмотреть на него, но оглядываться было страшно. А вдруг он ее заметит?! Вспомнила, что в деревне Завитой ее никто не видит, и стало немного полегче.

– Поговори мне! – пригрозил Донжа из темноты, но Ефимовна только отмахнулась.

Она выкатила из-за печи булыжник и, открыв дверку печи, сунула камень в огонь. После этого вбежала в горницу и вернулась оттуда с лоскутным одеялом, порядком вылинявшим. Затем из кухонного ларя был извлечен мешочек соли, со стола небрежно сдвинута посуда и снята потертая, невесть когда сотканная скатерка.

Ефимовна укутала козочку скатеркой, а потом натерла ей уши и морду солью. Коза лежала безучастно, вроде бы даже не дышала.

– Забить бы! – уже с откровенной злобой прошелестело из темноты.

Хозяйка показала в ту сторону кукиш, а потом взяла большой железный совок и веник. Прутья веника мигом затлели, когда она вытаскивала из печи булыжник, закатывала его на совок, а затем плюхнула в ведро.

Оттуда мигом повалил пар.

Ефимовна затоптала задымившийся веник, подхватила ведро и поставила рядом с козочкой. Прилегла к больной животине и с головой накрылась одеялом.

– Вот ведь зараза упрямая! – выверился Донжа, а потом зашаркали удаляющиеся шаги и хлопнула дверь сеной.

Убрался, колдун, убийца. Слава богу! Пусть он не видит Машу, но само его присутствие в ужас кого угодно приведет!

Маша неотрывно смотрела на одеяло, из-под которого виднелись копытца козочки и босые ноги Ефимовны. Той, конечно, приходилось нелегко: дыхание Ефимовны было громким и надсадным, она иногда ворочалась и на миг сдвигала одеяло, чтобы сделать глоточек свежего воздуха, а козочка по-прежнему лежала недвижимая и безучастная ко всему.

«Хоть бы ожила!» – вдруг страстно возмечтала Маша, хотя прекрасно понимала, насколько нелепым было здесь, в этом доме, в этой деревне, ее желание. И тем не менее она продолжала, замерев от волнения, следить за лежащими под одеялом Ефимовной и козой.

Наконец женщина резким движением сбросила одеяло и с надеждой уставилась на козочку.

Та все еще лежала неподвижно, и большие черные глаза ее то открывались, то слипались, как у сонного дитяти.

Черные глаза!

Маша невольно схватилась за сердце.

Неужели все-таки?..

– Умучилась, конечно, – пробормотала Ефимовна. – Как тут не умучиться? Но оживешь, никуда не денешься!

Хозяйка проворно поднялась и налила в глубокую обливную миску молока из старого горшка, стоящего на печи подальше от огня. Козочка потянулась к молоку, подергала ноздрями, глотнула разок, другой, а потом поднялась на еще подгибающиеся ножки.

Ефимовна заботливо поддержала ее. Козочка качалась из стороны в сторону на дрожащих ногах, но пила не отрываясь. Хозяйка подлила еще молока. Козочка вылакала и его – и вдруг запрыгала по кухне: конечно, пошатываясь, но все-таки держа хвост свечкой.

– Ожила! – хором сказали Маша и Ефимовна.

В ту же секунду Маша вспомнила, как закрывать рот, и проделала это движение. Неуклюже получилось, но все же, видимо, подействовало: хозяйка ее не услышала.

– Ох какая же ты шустрая да быстрая, милая моя! – приговаривала Ефимовна, обнимая козочку и целуя ее в голову, на которой красиво завивалась черная шерсть. – Ох ты милая!

У Маши даже слезы навернулись на глаза.

– Надо же, а я думала, что все уже выплакала! – пробурчала она, немедленно спохватилась и снова сотворила замок около рта.

Обошлось и на этот раз!

Коза между тем приподняла голову и внимательно взглянула своими черными глазами на Машу.

– Кого ты там углядела, Марусенька? – удивилась Ефимовна, и Маша невольно схватилась за сердце.

Она бы закричала, да губы онемели от страха.

Марусенька?! Черные глаза... Значит, все-таки она!

Коза с лукавым видом повернула голову к Ефимовне, и та принялась обтирать сухой тряпицей ее вспотевшие бока.

Маша больше не могла здесь оставаться! Зажимая одной рукой бешено колотящееся сердце, а другой – рот, чтобы не издать ни звука, она попятилась,

толкнула дверь спиной и ступила за порог, не имея ни малейшего представления, где окажется теперь и где искать Горностаю.

Вся эта история началась одним летним вечером, когда Маша Миронова возвращалась домой и мысленно клялась сама себе, что никогда и ни за что в жизни больше не поведется на фотки в соцсетях и нежные письма в мессенджере. Но иногда вдруг припадала такая охота сходить замуж (хотя бы ненадолго, чтобы избавиться наконец от клейма засидевшейся одиночки, поскольку в женском сознании, которое, конечно, воспринимает действительность весьма своеобразно, лучше быть разведенкой и даже брошенной, чем никому не нужной холостячкой), что она снова и снова пускалась на поиски счастья или хотя бы его подобия.

Порой она поругивала себя за то, что во время одной давней, еще институтской любовной истории так берегла свое девичество, что потеряла парня и не приобрела того жизненного опыта, который придал бы (как казалось Маше) ей особый лоск. Когда простилась со своим девичеством, желая во что бы то ни стало привязать к себе любимого парня. Но прошлого не вернешь, что же касается настоящего... Оно было печальным!

Будь Маша социологом, она уже могла бы написать вполне достойное исследование на тему «Чего хочет мужчина от женщины на первом свидании и чего хочет от него женщина» и даже опубликовать его в тех же не к ночи будь помянутых соцсетях, однако она была корректором одной из местных газет, а не социологом, поэтому просто сунула очередную неудачу в копилку памяти и в очередной раз дала себе слово оставить попытки найти друга жизни через интернет. Ходили, правда, слухи о каких-то счастливых браках, устроенных с помощью электронных свах, однако Маша считала эти слухи таким же враньем, как любое другое рекламное вранье.

А может быть, она сама виновата? Может быть, привыкнув опытным взором выискивать ошибки в текстах, она продолжает их выискивать и в тех мужчинах, с которыми встречается с радостной надеждой на что-то необыкновенное, невероятное, ошеломляющее, но все же, наверное, возможное (если кто не знает, эта штука называется «любовь с первого взгляда»), а уходит с перманентным разочарованием?..

Как вечно нечего надеть, так же не в кого и влюбиться. Общеизвестно, что все приличные мужики уже расхватаны и прикованы к семейным очагам, а неприличные, в любой момент готовые от упомянутого очага отковаться (конечно, ненадолго, ибо оный очаг свят, в него можно только изредка поплевывать, но не более того!), Машу не интересовали.

Глобальную печаль этого вечера усугубляло то, что редакторша Ниночка Селезнева днем случайно (ага, конечно!) глянула Маше через плечо, когда та отвечала согласием на предложение красавчика Толика Терентьева (впечатляющая фотка прилагалась) встретиться нынче в новом кафе на улице Рождественской и наконец познакомиться, так сказать, воочию.

– Ну надо же, без ошибок пишет! – восхитилась Ниночка. – Грамматика безупречна, а что с запятыми проблемы, так у кого нет проблем с запятыми?!
Такого соискателя надо брать, Капитанская дочка!

Разумеется, для Маши имела огромное значение грамотность «соискателя», однако при встрече выяснилось, что если над внешностью Толика поработал фотошоп, то о его правописании, конечно, позаботился вордовский правщик. Но он не смог прибавить «соискателю» элементарной образованности.

Буквально через несколько минут после знакомства Толик вдруг возьми да и спроси, отчего на форуме «Любовь и флирт» (на этом форуме они нашли друг друга) Машин ник – Капитанская дочка: у нее отец капитан, что ли? А какого рода войск?.. И это при том, что ему уже были известны ее имя (Мария), отчество (Ивановна) и фамилия (Миронова). После этого вопроса Маша выкинула очередные мечты из головы, встала, положила на столик пятисотку (за заказанный, но так и не выпитый ею кофе и заказанное, но так и не скушанное пирожное) – и ушла по-английски, то есть не сказав Толику на прощание ни единого слова.

Страшно представить, что с этим болваном надо вечер провести, а уж ночь-то...
а уж жизнь-то...

Нет. Нет и нет!

Так вот о глобальной печали. Разумеется, Ниночка Селезнева, которая решительно неспособна была хранить чужие секреты (она и свои-то не

хранила!), непременно разболтает всему редакционному коллективу об очередном «соискателе» руки Капитанской дочки и, предвидя шквал вопросов и сочувственных либо осуждающих восклицаний, которые завтра обрушит на нее родимый коллектив (на девяносто процентов женский), Маша почувствовала, что ей отчаянно хочется, чтобы завтра не настало никогда.

Ей даже домой неохота было спешить, потому что кот Маська непременно полезет на руки, будет лизаться, ластиться – и в очередной раз напомнит Маше Мироновой, что из всего мужского населения планеты Земля любит ее один только Маська – кот, да и тот кастрированный, да и тот в преклонных годах...

Впрочем, собаки ее тоже любили, но собаки у Маши не было, тут за Маськой оставалось право первенства, и нервировать его таким экстремальным соседством хозяйка не решалась.

Рождественка была по позднему времени совершенно безлюдна, но все же художественно отвлекала от печальных мыслей своей безусловной купеческо-мещанской красотой.

Маша нарочно тащилась еле-еле, разглядывая в медленно сгущающихся сумерках, которые в июне тянулись чуть ли не до полуночи, старательно и умело отреставрированные дома. Да, фасады сияли в лучах заката восстановленным шиком-блеском, но стоило шагнуть под арки, которые вели во внутренние дворы, картина резко менялась. Там отнюдь не сияло, а все еще зияло то самое вечно живущее дно, которое было некогда живописано Горьким.

Впрочем, в последнее время кое-что и во дворах начали латать-подлатывать, но все же много оставалось мест, даже подходить к которым было страшновато, и не потому, что существовала опасность столкнуться с татями ночными, зажившимися здесь со времен приснопамятных девяностых, а потому, что запросто можно было оказаться погребенным под развалинами внезапно рухнувшего памятника архитектуры.

Вместе с сумерками подступала вечерняя прохлада, и Маша озябла в своей легонькой белой кофточке, накинутой поверх платья. Она ускорила шаги, жалея, что трамвай по Рождественской больше не ходит, поэтому придется подниматься на Ильинку пешком, причем в крутую гору, и уже свернула было на Почтовый съезд, чтобы немного сократить путь, как вдруг наперерез ей из

какой-то подворотни напротив дома, окруженного строительными лесами, выскочила тоненькая невысокая девушка с распущенными черными волосами, одетая столь причудливо, что Маша не могла не изумиться.

На девушке была надета самая настоящая домотканая юбка и тонкая льняная рубашка, перепоясанная домотканым же разноцветным кушаком. На ногах козловые – во всяком случае, Маша так подумала – башмаки, явно пошитые вручную и сочетавшие в себе те изящество и небрежность, которые выдают вкус и мастерство. Шею оплетала грубая веревка, на которой болтался позеленевший от времени медный бубенчик.

Бубенец здесь был явно лишним, все остальное – выше всяких похвал!

Надо сказать, что Маша очень любила этнографические мотивы в одежде, но сама наряжаться в таком духе стеснялась. А сейчас она упрекнула себя за это и представила, как замечательно сама выглядела бы в такой юбке и такой рубашке... хотя нет, она никогда не решилась бы появиться без бюстгальтера (четвертый номер – это вам не кот начихал!), а бюстгальтер, конечно, нарушил бы этнографизм облика. Черноволосая же девушка образ блюла и нижнего белья не носила, поэтому при взгляде на нее Маша – филологическое образование наложило на нее неизгладимую печать! – немедленно вспомнила «Поднятую целину» Шолохова и описание распутной бабенки Лушки Нагульновой: «В разрезе рубахи дрогнули ее смуглые твердые груди, торчавшие, как у козы, вниз и врозь».

– Ваня! Ване-ечка, ты где-е! – неожиданно закричала девушка, озираясь, и голос ее сорвался на рыдания.

Маша ужаснулась. Неужели эта этнографическая лахудра потеряла ребенка в зарождественских дворах?! Вверх по косогорам расползались, поднимаясь к Ильинке, старые сады, местами заросшие до состояния джунглей, и хоть сейчас, в июне, их можно было назвать еще только полуджунглями, все равно: малышу заблудиться в полыни или крапиве раз плюнуть.

Ну да, у Маши Мироновой не было детей, однако не надо обладать богатым воображением, чтобы понять, как это страшно: потерять ребенка!

– В какую сторону он побежал? – решительно спросила Маша, готовая броситься на поиски, даже если придется лезть не только в полынь, но и в крапиву. – Какого он роста? Выше травы или совсем маленький? Сколько ему годиков?

Девушка повернулась к Маше и уставилась на нее чуть раскосыми желтыми, ну прямо-таки янтарными глазами.

– Чего ты поре-ешь? – пробормотала она, странно протягивая «е». – Какая трава? Какие годики? У меня паре-ень пропал, а не ре-ебенок!

У Маши отлегло от сердца.

– Ох, а я-то подумала... Ну, извини. Парень вернется, а не вернется, так и...

– Что ты понимаешь? – взвизгнула девушка. – Верне-ется! С ним что-то случилось! Мы шли ко мне-е, я там живу. – Она махнула в сторону Ильинки. – А вон там стоит какой-то разрушенный дом. Сколько помню, я все-егда мимо не-его ходила, там короткая дорогая, ну и ниче-его, стоит дом и стоит, никому не ме-ешает. Ну, мы идем с Ване-ечкой, и вдруг мужик какой-то заорал, будто его ре-езали! Как раз в том доме!

Она махнула в сторону подворотни, и Маша разглядела в глубине ее стену какого-то жестоко обшарпанного, можно сказать, изъеденного временем строения: практически обвалившаяся штукатурка, дверь, висящая на одной петле, разрушенные ступени крылечка, окна кое-где без стекол, а кое-где и вовсе проемы без рам.

– И опять как заорет! – продолжала между тем девушка. – Ну будто челове-ека живьем на части ре-ежут! Ванька говорит: «Подожди, Ирочка...»

Девушка перевела дыхание и пояснила, как будто это нуждалось в пояснениях:

– Ме-еня это... Ирочкой зовут. Ну вот, Ваня говорит: «Подожди, Ирочка, я посмотрю, може-ет, надо помочь!» И побе-ежал туда. Я кричу: «Не-е ходи, не-е надо!», да он не-е послушался. Я слышала е-его шаги, потом раздался еще один вопль. И все стихло. Я ждала, ждала... Но он не ве-ернулся. Я бе-егаю, кричу, зову – никого. Хоте-ела в этот дом зайти – но так страшно стало... Страшно!

Пойдем со мной посмотрим, что там, а?

Ирочка умолкла, не сводя с Маши своих янтарных, чуть косящих глаз, умоляюще стиснув руки.

Маша, конечно, была человеком отзывчивым, но не до такой степени. Кроме того, она воспитывалась в традиционной семье и никаким подобием феминизма заражена не была.

Чтобы девушки полезли невесть в какую развалюху, где, вполне возможно, невесть какие бандиты затаились, да зачем?! Спасать парня?! С этими предложениями к носителям европейских ценностей, пожалуйста! Они вас поддержат. А Маша Миронова – нет.

Она подумала, вглядываясь в хорошенькое перепуганное личико Ирочки, и сказала:

– Тут практически рядом, угол Нижневолжской набережной и переулочка Вахитова, отделение полиции. Если хочешь, можешь сходить туда. Или вызови полицию. Слушай! – вдруг осенило ее. – Ты позвони этому Ванечке своему! Вдруг ответит?

– Позвонить? – повторила Ирочка, хлопнув желтыми глазами, и зачем-то потрясла бубенчик, висевший на ее шее. – А это... ну... он разве услышит?

– Этот не услышит! – оценила юмор Маша. – По телефону позвони! Номер знаешь?

– номе-ер? – снова повторила Ирочка. – Чего?

– Телефона, – терпеливо пояснила Маша. – Не квартиры же!

Понятно, почему девица такая стильно-этнографичная. Наверняка из какой-нибудь глухой деревни, где, вполне возможно, с мобильными напряженка. Представить это Маше было трудно, однако уж очень откровенно девушка тупила, чтобы можно было эту тупость объяснить иначе.

– Фамилию его ты знаешь? – спросила Маша, доставая телефон из сумочки. – Визитка его у тебя есть?

Желтые глаза растерянно моргнули. Бубенец звякнул.

– Визитка, – пояснила Маша, показывая на пальцах и с трудом сдерживая смех. – Это такая бумажка, на которой написаны имя, фамилия и номер телефона. Иногда на ней указано также место работы.

Ну, товарищи! Маша выросла в деревне, ее семья перебралась в город, когда девушка уже закончила школу, уже в юношеские годы, поэтому она никогда не относилась к жителям области с тем высокомерием, которое обычно свойственно обитателям областного центра. При этом сии обитатели забывают, что для москвичей, к примеру, они всего лишь презренные замкадыши и вообще лимита, так что все на свете относительно. Все это так, но эта этнодевка просто нарывалась на презрение, настолько она была тупа! Или у них там, на краю областной географии, «визитка» – неприличное слово?

Но вот луч света мелькнул в темном царстве почти неприличной задумчивости девицы, и ее взгляд скользнул к земле, где валялся аккуратный белый прямоугольничек с ровными строчками букв.

– Во-во! – воскликнула Маша, успев поймать взглядом слово «Иван», но в следующую минуту девица кинулась на визитку, как на врага народа, сцапала ее и швырнула куда-то в траву.

– Пропади он пропадом вме-есте-е со своей визит-кой! – прорыдала она и резво зашагала своими прекрасными козловыми башмаками вверх по крутому Почтовому съезду, так громко всхлипывая при этом, что Маше стало ее жалко.

Все-таки женская солидарность иногда дает себя знать!

– Слушай, а может, тебе все же сходить в полицию? – крикнула она вслед безутешной Ирочке. – Ты же говорила, там кто-то кричал, в доме...

– Да провались они все-е! – выкрикнула девушка через плечо. – Не-е моя забота!

Так, ясно: девичья гордость одержала в душе Ирочки верх над всеми другими чувствами, в том числе пылкими и нежными.

- Ну, как скажешь, - проскрипела Маша, отворачиваясь.

Ситуация ясна как день! Как апельсин!

Видимо, уникально достала неведомого Ванечку желтоглазая красотка, если он бросился спасаться от нее в это жуткое строение.

Маша постояла еще немного, вглядываясь в очертания странного дома, уже почти размытые сумерками.

Однако парень не без фантазии! Это вам не Подколесин, который вульгарно выскочил в окошко. Ванечка обставил свой побег от Ирочки с максимальным драматизмом!

Вообще-то не слишком удивительно. Уж больно тормозная девка оказалась!

Вспомнилась дурацкая рожа Толика, оставшегося за столом. Он тоже был тормозной, только в другом смысле.

Маша сбежала от Толика, а какой-то Ванечка сбежал от этой этнографичной Ирочки. Не зря говорят, что все в природе должно быть уравновешено...

Тишина стояла, тишина над Волгой, видной в просветах переулков, а на ней сияло лазорево-ало-золотое небо, на которое наплывала лиловая туча в виде не то головы дракона, не то причудливо изогнувшейся таксы.

Кричал в развалюхе кто-то или не кричал? Сбежал Ванечка от Ирочки - или самоотверженно бросился кому-то на помощь и...

И что? Героически пал в схватке?

Чушь.

Кстати, Ирочка вполне могла этот крик выдумать, чтобы выглядеть не совсем уж классической брошкой.

Ну и ладно. Если все случившееся не ее забота, то уж точно и не Машина. Значит, и думать об этом не стоит, а вот о чем стоит, так это о том, как завтра отбрехаться от любопытствующих коллег, которые, конечно, запытают ее вопросами о нынешнем свидании!

Последняя страница дневника Василия Жукова... неизвестно где, неизвестно когда

Хотелось бы мне знать, который теперь год. Когда вошел в дом с покосившимся петушком на коньке крыши, в дом, который я так долго искал и в который так отчаянно стремился, на календаре значился 1936-й. Но не ведаю, сколько блуждаю здесь – блуждаю, не ведая ни голода, ни жажды, ни усталости, словно я уже не человек, а один из тех безучастных и бестелесных призраков, что порою проносятся мимо, не видя и не слыша ничего, не отвечая на мои вопросы, не слыша моих криков и стенаний... Наверное, они все еще надеются найти выход.

Сколько лет или столетий ищут они его? Найдут ли когда-нибудь? И где окажутся, если найдут? В том ли месте, дне и часе, откуда их занесло в этот дом? Теперь я понимаю, что войти в него можно отнюдь не только там, где вошел я в Завитой. И выйти не только в ту дверь, из которой я выглянул на миг, чтобы увидеть то, что увидел... Думаю иногда: а что было бы, если бы я тогда не шарахнулся испуганно обратно? Если бы набрался храбрости сойти с крыльца и заговорить с теми людьми, которых так испугался?

Не нахожу ответа!

Вот что меня еще отличает от бессмысленно блуждающей тени: умение ставить вопросы и искать ответы на них, умение думать и вспоминать. Хотя кто их знает, этих призраков: может быть, и они тоже погружены в свои воспоминания, которые или отягощают, или облегчают их существование здесь?..

Впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

* * *

Вечер выдался морально утомительным, поэтому, едва придя домой, Маша сразу легла в постель.

Маська, который привык, что хозяйка перед сном всегда пялится в какой-то светящийся и бубнящий на разные голоса ящик, обрадовался возможности провести вечер в тишине: походил немного по Маше, потыкался влажным кожаным носиком ей в лицо и, исполнив эти ритуальные танцы, завалился под хозяйский бочок. Его громкое мурлыканье действовало безотказно – Маша уснула мгновенно, спала крепко, но под утро приснилось ей что-то весьма странное.

Снилось Маше, будто идет она деревенской улицей, причем улица эта чем-то ей очень знакома. Ночь на дворе, луна едва из-за облаков брезжит, ни звездочки не мелькнет, однако Маше почему-то все отчетливо видно. Улица кончается, вот уже и околица рядом, как вдруг слышит она торопливые шаги за спиной, дыхание чье-то запыхавшееся, и обгоняет ее высокий человек в красной рубахе распояскою. В руке у него странное какое-то оружие с длинным стволом, похожее на пистолет, но побольше и в то же время покорооче обреза. Пробежал незнакомец вплотную к Маше, даже слегка задев ее плечом так, что она покачнулась, однако не извинился и вообще словно не заметил этого, как и ее возмущенного восклицания не услышал. Пробежав еще несколько шагов, незнакомец приостановился, оглянулся через плечо, махнул кому-то и крикнул громким шепотом:

- Не отставайте, ребята!

Обращался он явно не к Маше, хотя смотрел прямо на нее, и она видела его темные прищуренные глаза – видела так отчетливо, словно на дворе белый день стоял, а не почти непроглядная ночь. Видела она также хищный горбатый нос и взвихренные пряди волос надо лбом, а в левом ухе его блеснула круглая золотая серьга.

Маша растерянно оглянулась, но никаких «ребят» не обнаружила. Улица была совершенно пуста! А впрочем, нет... На перекрестке обнаружилась какая-то женщина в черном платке, низко надвинутом на лоб, одетая в бесформенную, словно бы донельзя растянутую и заношенную кофту не кофту, блузу на блузу и

такую же нелепую юбку. Но что-то в ее фигуре, осанке и движениях наводило на мысль, что она молода. Из-под юбки виднелись стройные ноги, причем Маше показалось, что женщина обута в какие-то странные туфли: на каблуках, но почему-то с раздвоенными носами! А на ногах у нее – черные чулки.

Внезапно, словно кто-то нажал zoom in на экране смартфона, желая, чтобы Маша все могла разглядеть как можно отчетливей, стопы женщины увеличились в размерах, и Маша ясно увидела, что у нее не обычные человеческие пальцы, а копыта... причем не круглые, будто конские или коровьи, а с двумя большими «пальцами» спереди и двумя маленькими с боков, отчего и казалось, будто женщина стоит на каблуках. Козьи, что ли, копыта?! Ноги же незнакомки оказались поросшими черной густой шерсткой, а вовсе не чулками обтянуты!

В ту же секунду неведомой волею сделался zoom out, и пугающие конечности странной женщины от Маши как бы отъехали и утонули в пыли.

От страха нашу героиню ознобом пробрало – потому что наблюдала она нечто поистине диковинное! Женщина вскинула руки над головой – и, словно повинувшись этому движению, разошлись затянувшие луну облака.

Откуда ни возьмись, в ее руках появились две палки, которые она то держала крестом, глядя на луну, то опускала и начинала чертить что-то на земле. А потом она резко взмахнула своими палками и направила их в спину человеку в красной рубашке, который отошел уже довольно далеко и приближался к приземистому бревенчатому дому, стоявшему чуть в стороне от дороги.

Маша отчетливо разглядела покосившуюся, облупленную от дождей и времени фигурку деревянного петуха, каких в старину часто ставили на крышах – чтобы уберечь от удара молнии. Все окна дома были затворены ставнями, кроме одного, распахнутого настежь.

– Иван Горностай! – страстным, звучным, молодым голосом крикнула женщина с козьими ногами.

В то же мгновение в открытом окне что-то сверкнуло, а потом громыхнуло. Почему-то Маша при этом подумала о том, что скорость света и впрямь превышает скорость звука. Однако тут же вся физика вылетела у нее из головы, потому что человек в красной рубашке схватился за грудь и навзничь рухнул на

дорогу, в пыль.

Женщина отбросила свои палки, двинулась к нему, тоже пройдя вплотную к Маше (настолько близко, что та различила странный, сырой, гнилостный, как бы болотный запах, исходящий от нее). Приблизилась к упавшему, наклонилась, повернула набок его голову – и замерла, только видно было, как у нее руки дрожат.

Потом оглянулась на окно, откуда ударило огнем, и Маше стало видно, что оттуда торжествующе машет какой-то чернобородый, звероватого вида человек.

От всего этого Маше сделалось так страшно, что она перекрестилась, после чего, как и положено, страшное видение исчезло, а осталась только пустая деревенская улица. Маша огляделась, всмотрелась в очертания изб, ахнула при виде раскидистой березы, нависшей над крышей одной из них, – и проснулась, испуганная и изумленная.

В стародавние времена

В стародавние времена в одной деревне жила многодетная семья Богдановых. Любили отец и мать что друг друга, что детушек своих, однако одной любовью сыт не будешь. А никакой другой спорины [1 - Спорина – удача (старин.)] им в жизни не было. Вроде бы и рукаст, и мастеровит был отец, а за что ни примется, все неудачей кончится. На всякую работу был он способен, что печку сложить, что колодезь вырыть, что избу срубить, что сети на реке поставить, однако печь эта вскоре непременно развалится, изба перекосится, в колодезе вода иссякнет, а рыба из сети уйдет.

Постепенно озлобились против него все в округе и ни в одну артель его больше не брали. Вот только что милостью господней да мирской милостыней жила семья! Над ними даже смеялись: Богдановы, мол, божьими даяниями живут!

Муж да жена знали, кого винить за такие бедствия! В свое время была эта женщина, Дарьюшка, сговорена за двоюродного брата своего нынешнего мужа, Аксена Чадаева, да отказала ему чуть ли не на пороге церкви и сбежала с другим, с этим самым Богдановым, за него вскоре и вышла.

Но прежний жених ее был человек непростой. Ходили слухи, что он еще мальцом несмышленным, когда бабка его помирала, подошел к ней сдуру да и взялся за руку, которую она к нему тянула. А бабка-то ведьмой была! Вот она свой дар ему и передала.

Известно, что всякая ведьма и всякий колдун перед смертью стараются навязать кому-нибудь свою злую чародейную силу, иначе ей или ему придется долго мучиться, да и мать сыра земля его не примет. Поэтому люди знающие да осторожные ни за что не возьмут у злодейки или злодея из рук какую-нибудь вещь. Даже сами родные стараются держаться подальше и, если умирающий попросит пить, не дают ковшик из своих рук: поставят его так, чтобы ведьма или колдун сами могли до воды дотянуться.

Если же те перед смертью не передадут никому своего дара, то ох как намучаются, умирая! Но в конце концов придет перед последним вздохом умирающего черт, сдерет с него кожу, одну ее только и оставив в доме, а тело утащит в преисподнюю. Ну и душу на вечные мучения – это уж само собой!

Вообще считается, что ведьма непременно должна какую-то вещь передать, чтобы взявшего заколдовать, но на самом деле вовсе не так: довольно и руки коснуться. Оттого и ковшик с водой родичи сами не дают, чтобы умирающий до неосторожного милостивца не дотронулся!

Малыш, конечно, этого не знал, взял бабку за руку, ведьма померла – а он перенял ее силу.

Знать, это суждено было. Все вышло по пословице: ловит волк роковую овцу! Не зря в фамилии Чадаев слышится слово «ад». А что такое ад? Обиталище сатанинское!

Однако, поскольку был мальчик еще душой невинной, его удалось вовремя в церкви отчитать. Но сила адская настолько велика, что она рано или поздно себя проявит. Со временем, подрастая, начал Аксен лицом темнеть, и волосы его, прежде белесые, сделались черными, да и голубые прежде глаза почернели. С тех пор и привязалось к нему прозвище Черномазый. И никто при этом не вспомнил, что это одно из имен врага рода человеческого, который за этим мальчиком, как и за всяким посвященным ему, приглядывал и знал: стоит такому человеку пожелать зла другому – тут вся его невинность и пропадет, а

враг рода человеческого при нем окажется!

И вот невеста Аксена к другому ушла. Он проклял и ее, и мужа ее, и всю семью, не зная, что его устами глаголет сатана. А может, и зная, но это его не остановило: дурное дело начать нехитро, а вот бросить мудрено.

Шло время, и однажды Богданова на пожаре бревном придавило, да так, что лежал при смерти. И мало того что никто семье помочь не хотел – еще и винили бедолагу: мол, уж не его ли небрежением пожар содеялся? А может, он и поджог совершил? Не за это ли его Бог покарал?..

И вот дело дошло до того, что чуть ли не соборовать надо несчастного. Жена его от горя света белого не видит, как вдруг входит в их бедный дом Аксен Черномазый.

От страха Дарьюшка едва на месте не умерла: стала детей руками прикрывать, как наседка крыльями цыплят прикрывает от внезапно налетевшего коршуна, – однако Аксен отдал ей поясной поклон и сказал, что пришел повиниться в грехе своем и взять назад свое проклятие.

– С завтрашнего дня, – сказал он, – все зло, которое я вам пожелал, от вас отойдет. Будете жить-поживать да добра наживать, будто в сказке! Удача к вам вернется, да и деньжат я оставлю, чтобы голодать-холодать больше не пришлось. А взамен отдай мне, Дарьюшка, одного из своих сыновей. Я, вишь, бездетным живу, таким, видно, и помру, а хочется иметь рядом с собой родимую душу. Я тебя, Дарьюшка, по сей день люблю – и сына твоего буду любить как родного! Ну а откажешь мне – повернусь и уйду, слова не скажу, только уж тогда проклятье мое с вами останется.

Ну, когда в семье семеро по лавкам сидят да муж при смерти лежит, вряд ли станет женщина долго думать. Конечно, грех детьми торговать, но лучше одному пропасть, чем всем.

– Которого возьмешь? – спросила бедняжка, заливаясь слезами.

– А того, кто мне первым громовую стрелу принесет, – отвечал Черномазый.

– Так вот же она! – воскликнул второй сын, Антипка, и вынул из кармана своих дырявых штанов громовую стрелку. – Вчера после грозы на бережку нашел!

Что такое громовая стрелка, знает каждый. Ударит молния в песок во время грозы – тот и спекается камнем. Некоторые говорят, что это Илья-громовник в беса метил, да промахнулся, а иные, наоборот, уверены, что это черт забавлялся да и тыкал молнией в землю. Не зря громовую стрелку еще чертовым пальцем называют... Аксен Черномазый, сатанинский слуга, искал себе того из мальчиков, на кого черт своим пальцем указал. Таковым оказался Антипка – его Черномазый и забрал, оставив своей прежней невесте немалую мошну.

Да вот ведь беда какая: чуть не все деньги ушли на похороны хозяина, потому что чуть только ступил Черномазый за порог, уведя за собой Антипа, так Богданов дух испустил. Что ж, обещал колдун проклятие только с завтрашнего дня снять – и снял! А что хозяин нынче помер, так, знать, ведь судьба его такая...

Но и в самом деле: с тех пор зажила семья если не в счастье, то в кое-каком довольстве.

* * *

Испуг Машин объяснялся понятно – кого не напугали бы такие страсти?! А удивлена она была потому, что сообразила: сон перенес ее в Завитую – деревню ее детства, где некогда жили ее дед с бабкой. После их смерти прошло уже много лет, Маша в Завитую давным-давно и носа не казала, однако воспоминания детства живут в нас на диво крепко! Пусть и затаятся они порою, сглаженные новыми впечатлениями, однако рано или поздно зазвучит в памяти наш детский голосок, засияет наша улыбка, исполненная радостью перед картиной мира, а то и прольется слеза первой, незабываемой обиды, или сожмется сердце от необъяснимого страха, или займется оно от неведомого прежде восторга, нежности и любви. Все разом эти впечатления и воспоминания нахлынули вдруг на Машу – удивительно яркие, свежие, словно бы только вчера испытанные.

Есть такое выражение – «когда деревья были большими», а для Маши давность тех лет обозначалась словами «когда береза еще не сгорела». На дворе у ее деда и бабки росла огромная, в два ствола, старая береза, под сенью которой

выросли и мама, и тетя Машина, и сама Маша, и ее друзья... Но в березу ударило молнией, дерево загорелось, потом и двор, и дом, на пожаре надорвался и вскоре умер дед, бабушку забрала к себе тетя Юля, жившая с семьей в уральской деревне: в город, где жили Маша и ее родители, бабушка не захотела ехать нипочем, она городскую жизнь ненавидела... Потом бабушка умерла, потом Машины родители погибли в автомобильной катастрофе – так она и осталась одна.

Дела ее тетки сложились более благополучно: у нее была хорошая семья, их фермерское хозяйство крепко стояло на ногах, однако навещать родные места она нипочем не хотела, отговариваясь непрерывными хлопотами и заботами. Впрочем, и сама Маша родную Завитую не часто вспоминала, потому что мы для чистого самосохранения всегда спешим забыть тягостное и мучительное, – а теперь вот вспомнила.

Вот только приземистого дома у околицы – дома с покосившимся деревянным петухом на коньке крыши, она совершенно не помнила, – хотя каждый дом, каждый проулок в деревне своего детства знала отлично.

А впрочем, ведь это был всего лишь сон...

Невероятная все-таки каша ей приснилась! Этот человек в красной рубашке, с золотой серьгой и со странным оружием, которое почему-то хотелось назвать пистолем, словно бы явился из какого-нибудь XVIII или даже XVII века. Интересно, это его звали Иван Горноста́й или женщина с козьими ногами подала сигнал кому-то другому, носившему это имя? А она, конечно, была типичной ведьмой, из тех, что существуют во всякие времена, вернее, вне времени. Однако при этом деревня, за исключением дома с петухом, выглядела почти так же, как выглядела во времена счастливого, счастливейшего Машиного детства...

Ранний июньский рассвет уже не давал Маше уснуть: она лежала, смежив веки, с нежностью вспоминала те далекие дни, ругательски ругая себя за то, что ни разу за все минувшие годы не собралась навестить родные места, и испытывая не просто острую, но небывало острую тоску по тем временам и тем местам. Захотелось хотя бы фотографии старые посмотреть. Такие фотографии вообще-то оставались, однако сейчас их у Маши не было. Примерно год назад у Маши их забрал Ж?ка, как всю жизнь звали Пашку Жукова – земляка, друга детства.

Раньше они с Машей и с Галкой Чатушкиной, их соседкой, были неразлейвода. Но взрослая жизнь разводит людей, у каждого появляются свои заботы, которые важнее детской дружбы. Родители Пашкины уехали в Нижний Новгород и его увезли, потом и Чатушкины, и Мироновы туда перебрались. Пашка женился на Галке, Маша гуляла у них на свадьбе, сначала весело прятельствовала с молодой семьей, однако у городской жизни свои законы, и как-то само собой оказалось возможным не только не видетсья целый год, но даже и не перезваниваться.

Помнится, Жука забрал старые снимки для того, чтобы их оцифровать, однако как в воду канул с ними вместе. Маша решила сегодня же непременно с Жукой созвониться и снимки у него забрать, оцифрованы они или нет. Конечно, не совсем удобно возобновлять прежние дружеские отношения под таким незначительным предлогом, однако Маша вспомнила, что у Галочки Жуковой, бывшей Чатушкиной, вчера-сегодня-завтра день рождения – то ли он был, то ли есть, то ли вот-вот настанет.

Весьма приличный предлог нагрнуть к приятелям и как бы между делом спросить о фотографиях.

Конечно, в наше время всеобщей мобильной связи в гости без предупреждения ходят только соседки по подъезду, и то лишь самые замшелые, поэтому Маша сначала позвонила Жуке. Однако в ответ услышала: «Ваш номер заблокирован».

Вот те на! С какого бы это перепугу?!

Ответ мог быть только один: Жука что-то перепутал и заблокировал подружку детских лет вместо кого-то другого. А может, телефон сам такую пакость учинил: у Маши случилась однажды такая неприятная история с номером Ниночки Селезневой, и убедить Ниночку в том, что Машин «Самсунг» почему-то сам по себе невлюбил абонента Селезневу, без всякого участия хозяйки, было очень сложно. Поэтому Маша ничуть не обиделась, пожалела, что у нее нет номера телефона Галочки, – и решила, раз так, навестить Жуковых без предупреждения, вынужденно наплевав на политес.

Воспоминаниями о сне и предвкушением встречи с Жукой Маша была настолько занята, что начисто забыла о вчерашнем провалившемся свидании с Толиком и необходимости о нем отчитываться, тем паче что Ниночка Селезнева,

оказывается, вчера простудилась под кондиционером и с утра пораньше ушла на больничный, не успев распустить сплетни по их женскому коллективу, до сплетен, понятное дело, весьма охочему. Так что Маша спокойно вычитала необходимые тексты и сразу после работы отправилась к Жуковым, прихватив в ближайшем магазине хорошенький шоколадный торт и бутылку отличного белого инкерманского вина: сам Бог велел, поскольку Крым наш.

Из дневника Василия Жукова, 1930 год

От многих прежних привычек удалось мне избавиться, заметая следы былого ради спасения жизни нынешней! Ногти у меня вечно обломанные и грязные, клочковатая, неопрятная борода выросла на лице, волосы стригу сам ужасными ножницами в какую-то патриархальную скобку, да и к одежде, которую только лапотинной в былые времена и назвал бы, уже отношусь без малейшей брезгливости. Последнюю привычку сохранил из жизни прежней: вести дневник.

Впрочем, настоящим дневником его не назовешь: это раньше я исправно марал бумагу ежедневно, записывая самую незначительную малость, а теперь мне не до того. Времени жизнь нынешняя мало оставляет на досужие занятия. И все же я считаю своим долгом записать все, что происходило со мной с тех пор, как я приехал в Завитую и постарался здесь прижиться.

Прижиться, раствориться, потеряться... В той жизни, которую я оставил, вернее, которую у меня отняли, это называлось мимикрия. Теперь мне этих слов лучше не употреблять. Тот скромный счетовод сельского совета, которым я стал, их знать не может!

Он небритый, усталый, в поношенной косоворотке, в стоптанных, грубо заплатанных сапогах.

Старенький пиджак болтается на его некогда широких, а сейчас худых, поникших плечах.

Он или сидит в конторе, считая трудодни, или, заменяя прихворнувшего бригадира (а тот прихварывает часто, едва ли не каждый день посылает своего мальчонку в сельсовет – мол, занедужил тятка, не придет!), соскочит с постели, едва забрезжит рассвет, и побежит по домам: звать баб просо полоть или сено

сгребать...

А их не дозовешься, на полях не дождешься! Отказываются выходить по наряду, хоть режь их! У большинства мужья на «железке» работают, там деньги неплохие платят. Каждая хозяйка своим огородом занята.

Бригадир Лаврентьич тоже «хворает» не просто так: он против слова жены пикнуть боится, а ей собственные две черные козы дороже всего на свете. Вот и он их то пасет, то корм на зиму для них заготавливает, то сарайчик ладит, чтобы не замерзли его красавицы. И ничем его не убедишь, ничем не застрашаешь!

Однако ссориться с этой властной бабой я не решался. Честно признаюсь, по меркантильным соображениям. Она пекла такие пироги... Даже с лебедой и крапивой, ей-богу, приходилось мне есть, и все было вкусно. А уж с земляничкой-то!..

Словом, на Лаврентьича я не слишком нажимал.

Постепенно ко мне вообще перешли бригадирские обязанности, и вечерами я до поздней ночи засиживался за бумагами, подсчетами трудодней и перенесением сведений в отчетные документы. Та только радость, что есть у меня бумага – вести мои записки, да и в химических карандашах нехватки не чувствую.

Впрочем, и в бригадирской моей работе нет худа без добра. Благодаря ей сделался я вхож в каждый дом. Хозяева меня привечают, хотя о сторожевых псах этого сказать нельзя. Отчего-то они меня терпеть не могут.

Особенно усердствует один – правда, не сторожевой, а бродячий, ничейный. Он то убежит из Завитой, то снова в ней появится. Летом небось давит в лесу мелкое зверье. Зимой ютится в стогах сена, живет, как говорится, мирским подаянием.

В самом деле, почему-то в деревне его почти все подкармливают, особенно Лаврентьич старается – бригадир. Как-то раз я видел, как он пса кормит да бормочет:

– Ты уж прости, голубчик, на двор тебя взять не могу, заколет Глашка рогами, она на тебя ох лютует, неведомо почему. Но не горюй, я тебя не покину, завсегда накормлю-напою.

Я так понял, что Глашка – это какая-нибудь животина, вернее всего, одна из двух черных козочек, о которых так пеклась жена Лаврентьича. Потом я понял, что угадал верно...

К слову добавлю, что пес этот и в будущие годы то появлялся в Завитой, то пропадал, но вечно цеплялся ко мне. Самое странное, что, когда появились у меня дети, он их тоже гонял... удивительный пес, нестареющий какой-то, неподыхающий, хотя ему, наверное, уже много лет было.

Ну что ж, в Завитой столько удивительного мне открылось, что псом больше, псом меньше – не важно.

Вернусь, однако, к своим отношениям с сельчанами...

* * *

В подъезде Маша нос к носу столкнулась с какой-то Жукиной соседкой, которая вела на прогулку золотистого ретривера. При виде Маши ретривер немедленно рассиропился, ткнулся мордой в ее колени и забил хвостом так, что по подъезду даже некий звон пошел.

– Ну и ну! – изумилась его хозяйка. – Вот это я понимаю! Можно подумать, вы с моим Карлушей друзья детства!

– Меня почему-то все собаки любят, – с извиняющейся улыбкой пояснила Маша.

Это была сущая правда, а извиняющаяся улыбка объяснялась тем, что владельцы псов, как правило, ревнивы. Впрочем, соседка оказалась, на счастье, вполне адекватной и даже рассказала, что ее покойный отец обладал вот такой же удивительной притягательностью для четвероногих, которые признавали в нем безусловно высшее существо и лечились у него (а отец ее был ветеринаром) с огромным удовольствием.

– Мне так странно, когда люди говорят, что собак не любят или боятся! – воскликнула Жукина соседка. – У нас в пятнадцатой квартире живет некий Павел Григорьевич, так у них с Карлушей такая антипатия, ну просто словами не описать!

– Что вы говорите! – сделала большие глаза Маша, стесняясь признать, что сейчас идет к нему в гости, к этому самому Павлу Григорьевичу по фамилии Жуков, что он друг ее детства и даже в те давние детские годы на него рычала или норовила если не укусить, то сердито клацнуть зубами всякая собака из Завитой.

Собственно, отчасти из-за этого Жукины родители и уехали из деревни раньше остальных и больше туда не возвращались даже на каникулы или в отпуски.

Наконец Карлуша отклеился от Машиных колен и, поминутно оборачиваясь и прощально поскуливая, потащился вслед за хозяйкой на прогулку, а Маша позвонила в Жукину дверь, причем в ту минуту, когда звонок издал первую трель, она вдруг не то что испугалась неизвестно чего, но некую смутную тревогу ощутила, и поэтому очень захотелось ей повернуться – и быстренько сбежать из этого дома, но было поздно, поздно: дверь уже распахнулась, и перед Машей возник друг старинный Жука с вытаращенными от изумления голубыми глазами. И еще какое-то странное выражение... что-то вроде испуга... мелькнуло на его лице, но Маша решила не вникать в детали. Жизнь успела научить ее, что надо людей принимать не такими, какие они есть на самом деле, а такими, какими они хотят казаться, и она решила не отступать от этой заповеди.

Ну, естественно, выяснилось, что номера ее телефона Жука не блокировал: это его айфон, этот подлый иностранный агент, сам по себе устроил ему такую пакость, причем Маша оказалась одной из многих от его происков пострадавших. Ну, естественно, последовало спонтанное застолье, причем и Жука, и Галочка бурно радовались Машиному визиту, потому что исповедовали такое правило: на свои дни рождения никого не приглашать, ибо истинные друзья эти святые для них даты бережно хранят в памяти и приходят без приглашения!

Предполагалось, видимо, что эти истинные друзья обеспечивают и выпивку-закуску, потому что ели только Машин торт и пили только принесенное ею инкерманское вино.

– Ну, за встречу старых друзей! – провозгласил Жука.

Выпили.

– А теперь за Галочку! – провозгласила Маша. – С днем рождения! Всего тебе самого радостного!

Выпили.

– А теперь за любовь! – провозгласил Жука, поднимаясь, поднося бокал к губам и особенным образом оттопыривая локоть. Кто-то когда-то сказал ему, что именно так оттопыривали локти гусары, когда пили: чтобы боевой конь не совался в рюмку.

Выпили.

– Слушай, Машка, – сказал Жука, отковыривая ложечкой шоколадный крем с очередного куска торта и отдавая его Галочке: она очень любила такой крем, а Жука любил бисквит, пропитанный коньяком. – Слушай, Машка, а твоя личная жизнь как? Ты все принца ждешь?

– Нет, – качнула Маша головой. – Принца я уже не жду...

И замолчала, прикусив язык, с которого так и рвалось: «...а жду Ивана Горностая». Вслед за этим понадобилось бы объяснять слишком многое, после чего Жука и Галочка приняли бы ее за ненормальную.

А между тем Жука смотрел на нее с каким-то непонятным интересом.

– Это значит – что? – спросил он. – Ты уже кого-то дождалась? Или все еще хранишь свою хрустальную невинность?

– А тебе какое дело, Жука? – рассердилась Галочка. – Такие вопросы задавать нетактично!

– Да брось, дорогуша! – ухмыльнулся Жука. – Как будто тебе самой не интересно узнать, допрыгнул ли кто-то до верхнего венца терема, в который заточила себя наша Царевна-Несмеяна-Недотрога!

– Маш. А правда, ты все еще одна или... – не скрывает любопытства Галочка.

Маше просто ничего не оставалось, как многозначительно подмигнуть:

– Успокойтесь, друзья, у меня все тип-топ!

Вот так. Тип-топ – и отвалите, и пусть каждый понимает вещи согласно своей испорченности.

– Молодец, Машка! – дружно сказали супруги. – Так держать! Тогда еще раз за любовь!

Выпили.

Несмотря на «нетактичные вопросы», вечерок все равно выдался приятный, милый, веселый, болтливый, причем настолько, что Маша лишь часа через два спохватилась, что пришла вообще-то не просто так застольничать (или обсуждать свою личную жизнь), а собиралась забрать старые фотографии.

Услышав это, Жука, только что сиявший, болтавший и хохотавший, приуныл, опустил глаза и сообщил, что снимков у него нет.

– Что, неужели еще не оцифровали? – удивилась Маша, после чего Жука окончательно скис и признался, что специалист, которому он отдавал фотографии, их просто-напросто потерял, не успев даже начать работу, а Жука не мог набраться храбрости позвонить Маше и сообщить об этом, потому что боялся, что она ему голову оторвет.

«А ведь, пожалуй, не своевольный айфон, а ты сам именно поэтому мой номер заблокировал!» – пронизательно подумала Маша, но Жука имел такой несчастный вид, что она только вздохнула, а голову отрывать ему не стала.

– Мне почему-то ужасно хочется нашу Завитую повидать, – призналась Маша, не упоминая, впрочем, о сне, за который, конечно, была бы поднята Жукой и Галочкой на громкий и долгий смех. – Придется съездить и хотя бы такой ее поснимать, какой она теперь стала. Может быть, хоть что-то из старых времен там найдется.

– Ничего там не найдется, – мрачно буркнул Жука. – Деревни нашей больше нет! Не поверишь, когда я узнал, что наши фотографии пропали – а ведь я этому уроду и свои старые снимки отдал, и у родителей взял все, что сохранилось, – то и сам решил туда съездить и хоть остатки бывшего поснимать. И увидел: деревня стоит пустая, ни единой души, все оттуда выехали, в огородах травища выше человеческого роста, дома все паутиной заплело, крыши проломаны, окна побиты... одна только ваша старая береза над забором по-прежнему возвышается, скоро до неба дорастет!

Сообщив это, Жука повесил было нос, но в это время зазвонил телефон: о дне рождения Галочки вспомнила ее сестра, которая жила в Питере, да и время было уже позднее, поэтому Маша простилась и отправилась домой, чтобы не мешать людям общаться с родней. Кроме того, она не любила, когда ей вваливали в глаза так явно, как это сделал Жука, а про свою поездку в деревню он бесстыже наврал. Старая-то береза сгорела еще когда-а, больше десяти лет назад, а он ляпнул, будто она по-прежнему возвышается и скоро до неба дорастет. Но ведь нечему там расти, вот какая история!

А вдруг он и про фотографии соврал? Вдруг сам их потерял или вообще засунул куда-то, начисто забыв отдать на оцифровку?..

Однако дались же ей эти фотографии! Вот вынь да положь – припало, как говорится, на них посмотреть!

Маша взглянула на часы. Уже десять. Значит, в Екатеринбурге, где живет тетя Юля, полночь. Нижегородцам Маша ни за что не стала бы звонить в такое время: здесь все рано ложатся и рано встают, большинство местных жителей – жаворонки, однако тетя Юля – сова из сов, раньше двух часов ночи к постели даже не подойдет. Поэтому Маша без всякого зазрения совести набрала по благословенному ватсапу теткин телефон – и облегченно вздохнула, услышав ее бодрый и ничуть не сонный голос.

Начались, понятное дело, ахи-охи, радостные восклицания, смешанные с попреками, что давно не звонила, даже на бабкину годину.

- Теть Юль, ты извини, - покаялась Маша, - я в церковь ходила, свечку за упокой бабулиной души поставила, тебе позвонить хотела, да как-то... из головы вон... прости! Ты не представляешь, как я скучаю. Воспоминания о детстве одолели, о Завитой... Это уже старость, да?

- Какой тактичный вопрос! - расхохоталась ее пятидесятилетняя тетка. - Я себя старухой еще совершенно не считаю, однако съездить в Завитую мне тоже охота. Очень по ней тоскую!

- Я сегодня Жуку видела - помнишь его? - продолжала Маша. - Так он сказал, что Завитая совершенно заброшена, люди все оттуда переселились куда-то, травища выше крыш - словом, картина отчаянная. Только на фотках можно прошлое увидеть, да Жука, представляешь, мои фотографии отдал цифровать какому-то олуху, который их потерял. А у тебя после бабушки ничего не осталось с видами Завитой?

- Вот же гад этот Жука! - воскликнула Маша непосредственная и скорая на приговор тетка. - Как же можно такие бесценные вещи отдавать кому попало?! У меня остались, конечно, кое-какие старые снимки, но с видом деревни только один. На нем та наша береза - помнишь ее?

- Еще бы не помнить! - вздохнула Маша. - Как же я ее любила!

- Бабушка твоя ее тоже любила, она над этим снимком прямо тряслась, говорила, что это последнее сокровище ее памяти. Я даже хотела это фото с ней в гроб положить, да ведь это единственная память о прошлом, о Завитой. Хороший снимок, я его тоже отдала на оцифровку, но приличным людям, не то что Жука, олух этот!

- А ты мне его можешь перекинуть? - с замиранием сердца, сама удивляясь своему трепетному нетерпению, спросила Маша.

- Конечно, - усмехнулась тетя Юля. - Он у меня в телефоне есть. Лови!

Звякнуло извещение о приходе сообщения, и Маша с трудом дождалась конца разговора. Нет, она была очень рада пообщаться с тетей, но нетерпеливое желание взглянуть на снимок не просто подгрызало, но буквально загрызало ее!

Маська занудно шлялся вокруг, уныло подмяукивал и всячески намекал, что ему пора ложиться спать под хозяйкиным боком.

Зря старался!

Маша отправила фото на большой компьютер, сначала полюбовалась им на экране, а затем распечатала в максимальном формате и насладилась наконец погружением в прошлое.

В стародавние времена

Привез Черномазый Антипку в Завитую – так называлась деревня, в которой он жил, – поселил в своем доме, что стоял неподалеку от околицы (была его крыша деревянным петухом украшена – в насмешку над петушиным криком, которого всем колдунам, ведьмам и чертям бояться должно!), и велел называть себя дядькою, а мальчика звал племяшом.

Ну а мальчишке что? Хоть горшком назови, только напои да накорми.

Грех жаловаться – жил он у дядьки не в пример сытнее, чем дома. В избе всегда чистота невиданная, еда в печи стоит приготовлена, скотина напоена-накормлена, огород прополот... Рассыплет, бывало, Антипка соль (а у него руки не тем концом были вставлены!) – дядька не бранится: только мигнет – и соль опять в коробе лежит, по одной солинке собранная...

Но вот кто все это делал?! Кто соль собирал, кто за хозяйством смотрел?!

Антипка сначала не знал, что Аксену Черномазому черти-бесы служили. Таков уж обычай – к колдуну на всю жизнь его приставляются для услуг мелкие бойкие бесенята. Они не только вмиг исполняют все поручения, но даже надоедают, требуя для себя все новой и новой работы. Что ни придумает колдун – всё бесам нипочем, всё только забава. Но беда, коли работы нет – тогда начинают они

Аксена мучить, да так, что его всего скорезит, коленками так и притянет к груди!

– Что с тобой, дядька? – испугается, бывало, Антипка, но Аксен молчит, мается. Наконец однажды не выдержал и признался, кто его терзает, прося их делом занять.

Пожаловался: какой работы он только для бесов не придумывал! Возьмет, к примеру сказать, пшена да льняного семени, ссыплет все в один мешок да велит разбирать. Они всё это сделают в полчаса и опять подступают неотвязно. Пошлет он их на елке иголки-хвоинки считать, да это им плевое дело. На осину посылает за тем же. Ну, тут подольше возьмется: хоть листьев на осине меньше, чем иголок на елке, однако ветром их сгибает и шевелит, сбиться немудрено. А сбился – начинай сначала.

– Уж замаялся, – жалуется Черномазый Антипке, – работу для них придумывать!

– А ты, дядька, пошли их пересчитать листья на всех осинах, что в большом лесу растут, – посоветовал мальчишка.

– Хорошо удумал, – одобрил Черномазый, – да только больше двух суток они возиться не станут: бросят это дело да вернуться опять ко мне.

– Ну хоть на двое суток дух переведешь, – говорит Антипка. – А там еще чего-нибудь удумаем.

И в самом деле – на двое суток передохнули. Когда бесы вернулись, Антипка дал новый совет дядьке. Тот пошел да и вбил в озере близ берега кол, гораздо выше уровня воды, и велел бесам заливать его решетом.

Те и стараются, стараются, ну а как смикитят, что вовек им кол не залить, вернуться. Тогда Черномазый отрубил от бревна чурбанчик маленький и велит бесам растянуть его так, чтобы ему в рост сделался. А рост у него был немалый, ох немалый! Пока бесы тужатся, Черномазый с Антипкой передышку получают.

Хорошо удавалось также избавиться от бесов, поручив им вить веревки из песка. Те аж из кожи вон лезут! Так и вьется по берегу песок, а люд крещеный диву

дается: что за притча – буря бурей на берегу, а ни волна в реке не шелохнется! Ну, надолго терпения у бесов и тут не хватало, возвращались к колдуну за новым делом!

Одно хорошо: руки-то у бесов были не в меру проворные, а вот умишком бесенята не вышли, не помнили ничего, оттого можно им было прежние задания сызнова давать. Ну и, конечно, использовали их что Черномазый, что Антипка для домашних дел, однако тут за ними нужен был глаз да глаз!

Как-то заставили их в предовинье рожь молотить. Известно, что в овине свежесжатое зерно крестьяне сушили, а в предовинье либо на открытом гумне потом молотили цепями. Ну, велеть-то велели, да и позабыли об этом. А бесы взялись за работу ночью, да так расстарались, так все измолотили, что и солому собирать не надо было: все в мякину превратили, да и сам овин в щепу истолкли.

Тут уж терпение Черномазого лопнуло! Решил он лучше сам все делать, только бы от бесов отвязаться раз и навсегда. Послал Антипку в церкви палку освятить (самому-то нельзя было и подойти к божьему храму, ибо душа сатане запродаана!), а потом приказал бесам за нее взяться и держаться, пока их кто-нибудь не отпустит. А потом отнес палку на кресты: на росстани, на перекресток дорог, значит, – да там и бросил.

Ну что ж, в достатке они жили и без всяких бесов. Черномазого в Завитой боялись, оттого и старались его заранее задобрить всяким добром: то мукой, то мясом, то звонкой монетою.

* * *

Вот она, старая береза! Живехонька-здоровехонька, осеняет своими ветвями дворик; вот и незабвенная развилка меж двумя стволами хорошо видна – этот капитанский мостик детства. Рядом с березой стоят дед с бабушкой, и как же они молоды на этом снимке! Всегда казались невероятно старыми, однако здесь им явно не больше пятидесяти. Значит, Маша едва-едва родилась. Бабушкины еще темные, еще не седые волосы гладко зачесаны назад и собраны в большой тяжелый узел, и на этом фото она как никогда похожа на Аксинью из старого фильма «Тихий Дон», а дед крутит ус совершенно как Гришка Мелехов. Не зря это был их любимый фильм, любимейший!

Наглядевшись на родные лица, тихо плача оттого, что нельзя ничего, ничего вернуть, невозможно произнести нежные слова, безнадежно, навсегда опоздавшие, Маша вдруг заметила странную тень, лежащую на песочке, которым был посыпан двор. Это была тень женщины в платке и какой-то длинной одежде. Солнце стояло в полудне: тени деда, бабушки и березы были коротенькими, как и положено в это время, тени фотографа вообще не было видно, она лежала у него под ногами за пределами снимка... каким же образом эта женщина отбрасывала такую длинную тень, как будто солнце находилось на востоке или на западе?!

Маша ломала голову до тех пор, пока ей не пришла в голову простейшая отгадка: да это никакая не тень! Это всего-навсего дефект старой пленки и старого фото, который даже оцифровка не смогла устранить!

Она положила листок на тумбочку рядом с кроватью, погасила свет, погладила Маську, который со счастливым мурлыканьем занял свое место и выключил моторчик, ибо немедленно уснул, – и закрыла глаза.

К Маше сон, впрочем, подступил не сразу. Сначала она размышляла о том, что вообще-то в Завитую можно и в заброшенную съездить! Электричкой до Киселихи, потом через лес три версты или километра, кому как больше нравится, дорогу она отлично помнит. Замечательная прогулка может получиться!

С этой мыслью Маша уснула – и немедленно на нее глянули черные, провалившиеся, окруженные тенями, измученные глаза человека в красной рубашке, потемневшей на груди от крови, шевельнулись его бледные, сухие губы, изронив чуть слышный шепот:

– Меня зовут Иван Горноста́й. Помоги! Только ты меня спасти можешь. Только ты!

Она немедленно проснулась с тоской, жалостью – и в то же время со странным чувством восторга. Никто и никогда не говорил Маше Мироновой – мол, только ты... Жаль, что это было во сне, вдобавок посвященном какому-то далекому-предалекому прошлому!

Еще больше было жаль, что проснулась. Кто знает, вдруг она бы и в самом деле спасла загадочного Ивана Горностоя и он еще что-нибудь сказал бы Маше – такое же хорошее и книжно-романтическое...

Убеждение в том, что девушке спасти мужчину неприлично, улетучилось в неведомые дали. Сейчас Маша о своих прежних принципах даже не вспомнила!

Забегая вперед, следует сказать, что и не вспоминала больше никогда...

Она крепко стиснула веки – и снова уснула, правда, виделась все какая-то серая муть, и лишь под утро приснилась ей та самая фотография деда и бабки, которую она рассматривала перед сном: фотография со странным пятном.

Однако на сей раз это было никакое не пятно, а в самом деле тень женщины, причем она вдруг поднялась с земли, усмехнулась Маше серым лицом из-под низко надвинутого серого платка, проворчала сердито: «Ты везде пройдешь, ты кого хошь спасеешь, дури у тебя хватит!» – и снова распростерлась на земле: тень не тень, пятно не пятно...

Жутковато это выглядело, жутковато, прямо скажем, однако Маша подскочила в постели, чувствуя не страх, а такую тревогу, какой никогда в жизни не испытывала.

– Глупости, – безапелляционно выпалила она, глядя в зеркало на свою невыспавшуюся, блеклую физиономию и всклокоченные волосы. – Глу-пос-ти! Это только сон, причем совершенно не осознанный! И нечего мне тут «Вечное сияние чистого разума» [2 - Осознанное сновидение – некое пограничное состояние сознания, когда человек понимает, что видит сон, и может так или иначе управлять его содержанием. «Вечное сияние чистого разума» – художественный фильм, герой которого управляет своим сновидением.] устраивать!

Сияние не сияние, чистого разума или грязного, осознанное это было сновидение или нет, не суть важно: Маша не могла не признать, что жизнь ее благодаря трем этим снам наполнилась новым смыслом. Они как бы вырвали ее из скучного бытовизма, а уж желание съездить в Завитую теперь не давало ей покоя.

«Может быть, родовая память пробудилась? – размышляла Маша. – Какая же я была дура, что ни о чем не расспрашивала ни бабушку, ни деда, ни маму с папой: жила одним днем, будто цветок, который при дороге вырос и в любую минуту может быть сорван ветром и унесен невесть куда!»

Самоедство такого рода всегда оказывало на нее благотворное влияние, вот и сейчас решение отправиться в Завитую окончательно окрепло.

Завтра суббота, выходной день. Электрички идут в нужном Маше направлении каждый час. До Линды ехать около часа, потом час на дорогу.

Добраться в Завитую – если в деревне и правда полная разруха, вздохнуть с сожалением, перекусить и топать обратно.

Если жизнь в деревне все же теплится, а сплошные заросли травы существуют только в Жукином буйном воображении (почему-то Машу не оставляло ощущение, что друг детства все же поднаврал!), можно и задержаться. Поговорить с какой-нибудь старушечкой, которая помнит бабку с дедом, а может, и родителей Машиных, а может, и ее саму! Конечно, сделать побольше снимков. И, соприкоснувшись с историческими корнями, отправиться в обратный путь, чтобы вечером же позвонить тете Юле и рассказать ей о поездке на родимую сторонку!

Из дневника Василия Жукова, 1930 год

Отношения с жителями Завитой постепенно установились у меня хорошие, добрые, никто с порога меня не гнал, как поначалу было, а совсем наоборот: норовили угостить и рассказать про свою тяжелую жизнь, взывая к моей жалости. Мол, ну когда тут на колхозные поля, на пастбища или на косьбу идти, когда свой огород зарос выше плетня, а скотина хиреет?

Что ж, я понимаю здешних жителей. Незабываемы времена, когда смертельным вихрем пронесся по Поволжью свирепый голод!

Я в это время в Москве пытался выжить, подрабатывал в разных местах. Пайки там были хоть и совсем скудные, но все же их худо-бедно давали совслужащим,

а крестьянам не на кого было рассчитывать, ничьей помощи они не ждали: продотряды вывозили все подчистую, обрекая целые волости на голодную смерть... вывозили, чтобы кормить войско и город. И меня, значит, в Москве.

Я чувствую себя перед ними виноватым, перед моими теперешними односельчанами, оттого сверх меры не усердствую.

О том, что пережито было в ту пору, они говорить не любят, вот только историю про Глафиру да Марусеньку некоторое время спустя поведал мне тот же Лаврентьич. Эта история убедила меня в том, что Тимофей Свирин правду говорил: он ведь тоже вспоминал двух этих сестричек, еще как вспоминал, и крепла во мне надежда, что, коли он про них не соврал, то и остальное окажется правдой.

Бабы молотят языками, а я знай мотаю на ус каждое слово, по крупицам собирая все обмолвки и намеки на то, что я ищу. А ищу я то, о чем мне, умирая, рассказал Тимофей Свирин, денщик мой фронтовой.

Его любимая поговорка была: «С понедельника – на всю неделю». То есть как неделя началась, так она и пройдет, так и кончится. Удивительным образом слова эти постоянно сбывались. И я уже готовился к неприятностям, если они случались в понедельник. Можно сказать, ждал их. Оттого, небось, они происходили, почуяв мое горячее желание их встретить! А впрочем, может быть, то время, когда Тимофей находился со мной рядом, было как раз таким временем, когда неприятности нас преследовали постоянно, с утра и до вечера и во все дни недели.

Эти годы вспомнить страшно, 1914-й и последующие... а в ноябре 17-го Тимофей был убит своими же однополчанами, непременно желавшими зарыть штык в землю и бежать домой, делить помещичьи угодья, ибо теперь «земля – крестьянам».

Мне удалось спастись каким-то чудом небесным; может быть, как раз потому, что я ожидал беды и успел скрыться. Я отсиделся в кустах, я смотрел, как толпа бьет насмерть моего единственного друга, но выйти и разделить его судьбу не нашел смелости. Потом, когда убийцы разошлись – не то радуясь тому, что совершили, не то стыдясь того, что совершили, не то боясь совершенного, – я вернулся к его телу, намереваясь похоронить по-людски.

Это было невероятно, однако Тимофей оказался еще жив!

Меня к тому времени уже трудно было чем-то пронять, но я все же залился слезами, как мальчишка, и Тимофей с трудом выговорил: он еще не умер потому, что ждал меня, знал, что я вернусь, а как расскажет мне все, так и отойдет. И поведал он мне нечто, во что я, конечно, сразу не поверил: решил, что это предсмертный бред. Чтобы найти это, я должен был поехать в захолустную деревеньку нижегородской губернии, в деревеньку, которая называется Завитая. Тимофей поначалу надеялся, что мы после войны поедем туда вместе, он мне все покажет и разделит со мной то, что мы найдем, но, раз ему не судьба, придется мне отправиться одному.

– Прекрати ерунду городить, Тимоша, – сказал я, отирая смертный пот с его лица. – Все балагуришь, нашел время!

И прикусил язык от этих неосторожных слов про время...

– Ну уж нет, не ерунда это, – пробормотал он, с трудом исторгая из себя слова. – Перед кончиной языком попусту молотить не стану, каждый миг на счету!

Я тогда не знал, верить в это или нет, скорее, нет, вообще не верил, настолько дико звучало то, что он рассказал мне. И все же приехал в Завитую, потому что последовать советам Тимофея – это была единственная для меня надежда вырваться из той жуткой жизни, которую я обречен вести при Советах! А для этого следовало найти то, что было спрятано в каморке некоего дома в Завитой примерно двести лет тому назад [З - Для Василия Жукова это начало XVIII в.].

* * *

С вечера Маша купила хорошей колбаски и сыру, чтобы наделать бутербродов в дорогу, будильник включать не стала, решила хорошенько выспаться и только тогда пуститься на вокзал.

Однако выспаться не удалось. Под утро Маша в своих туманных сновидениях снова набрела на Ивана Горноста, который лежал в какой-то полутемной обшарпанной комнатухе – уже чуть живой, бледный, со связанными руками, слабо шевелил пересохшими губами, но ничего сказать не был в силах – только

смотрел на Машу со смертной тоской, как бы прощаясь с ней уже навеки. Потом скрипнула дверь... кто-то вошел, но Маша не видела, кто: проснулась опять совершенно не в себе.

Пришли его палачи? Или спасители? Или спасительница?

Бог знает почему, Маша вдруг страшно возревновала к этой спасительнице, но потом немного успокоилась. Сказал же Горноста́й в прошлом сне: «Только ты...»

Часы показывали пять, и Маська, разбуженный слишком рано, ворчал, а не мурлыкал, однако его хозяйка больше не стала ложиться, а спрыгнула с постели, вскочила в душевую кабину, мигом из нее выскочила, мгновенно наделала бутербродов, намыла яблок, налила в термос чаю, сунула все это в рюкзачок (сумкам она предпочитала маленькие легонькие рюкзачки из спортивного магазина «Декатлон»), насыпала Маське его любимый корм, сама решив позавтракать в поезде, оделась по-походному: джинсы, кроссовки, маечка и легкая курточка (с утра еще прохладно, только после одиннадцати начнет припекать!), шагнула было уже за дверь, но с порога, не переступая его (а то пути не будет!), потянулась к вешалке и сдернула с нее легкий шарфик. Идти придется по лесу, а там мало ли что по деревьям ползает! Один раз, еще в детстве, Маше в лесочке свалилась на голову с дерева гусеница и, постепенно спустившись на шею, подползла к лицу. Маша ее не чувствовала, потому что шея ее была закрыта водолазкой, но внезапно повернуть голову и встретиться глазами с гусеницей – это было для нее слишком сильное впечатление!

Примерно так же она орала бы, если бы наступила на змею, честное слово!

Путь ее пролегал мимо Театрального сквера, прилегавшего к дому, в котором жил Жука, и Маше попались на глаза ранние пташки – Карлуша и его хозяйка. Оба, похоже, ничего не имели против возобновления знакомства, однако Маша только помахала им издали рукой, крикнула, что опаздывает на электричку, и побежала дальше к остановке маршруток.

В поезде она перекусила, а потом вдруг так разморилась после почти бессонной ночи, что задремала и, сколько ни вслушивалась в объявления о приближающихся станциях, Киселиху благополучно проспала и вскинулась, только услышав:

– Станция Линда. Следующая станция Кеза.

Маша едва успела выскочить на платформу: двери вагона даже умудрились прищемить развевающийся шарфик, который, на счастье, оказался достаточно легкий и сам собой выскользнул из сомкнувшихся створок, избавив Машу от трагической участи Айседоры Дункан.

Айседора Дункан Маше никогда не нравилась, финал ее жизни не нравился еще больше, поэтому она – от греха подальше! – убрала шарфик в карман.

Однако что же ей теперь делать? Встречную электричку ждать?

А вот и она как раз уходит...

Маша посмотрела вслед электричке, пожала плечами и – без особой печали – решила смириться с судьбой и пойти к деревне другой дорогой. Завитая находилась между Киселихой и Линдой, поближе к Киселихе, подальше от Линды, но ненамного, километра на два, на три, это Маша по старым временам помнила.

Погода стояла чудесная, дорога лесная оказалась вполне приличной, однако, когда Маша повернула на тропу, ведущую к деревне, она поняла, что Жука, похоже, не слишком соврал: в Завитой и впрямь вполне может быть все заброшено, потому что тропа имела такой вид, словно по ней уже давным-давно никто не хаживал, не ездил.

Хорошо, что Маша надела джинсы, а не шорты, иначе ее ногам очень плохо пришлось бы! Даже джинсы миглом промокли от росы чуть ли не до бедер, на них нацеплялись какие-то колючки, травинки, разноцветные лепестки цветов, которые Маша сначала как-то берегла, старалась обходить, а потом махнула на все рукой и перла напролом, будто какой-нибудь первопроходец Ерофей Хабаров, догадываясь, что не сошла с тропы, только потому, что заросла эта тропа всего лишь травицей и цветищами, а не деревьями.

Она шла и шла, ругая себя за непонятное упорство, и, по всем приметам, до Завитой оставалось минут пять-десять ходу, когда в ближних зарослях вдруг раздался треск – и буквально к Машиним ногам вывалилось что-то огромное,

серое и четвероногое.

Ужаснулась было – волк?! – однако существо громко залаяло и прижалось остроухой головой к Машиным коленям.

Так это пес! Ну, с псом-то она поладит! Однако где же его держали, откуда он удрал, сорвавшись с цепи, вернее, с привязи? На шее болтается обрывок довольно толстой веревки – верный признак злобного хозяина, нос сухой – верный признак жажды, ребра подвело – верный признак голода... Маша мигом утоптала траву поблизости, сбросила на эту импровизированную полянку рюкзачок, достала бутерброды, налила воды в широкую кружку от термоса...

Пес взглянул недоверчиво, словно бы даже глаза вытаращив, а потом припал к еде и питью, лопал за обе щеки, изредка вскидывал голову, смотрел на Машу, издавал какой-то странный звук, не то благодарственное урчание, не то сдавленное рыдание, вернее, скуление.

– Ешь, ешь, – ласково приговаривала Маша, ужасно злясь при мысли о том, что кто-то, тварь какая-то довела несчастного пса до такого состояния. Главное, красавец, хоть и явно беспородный, вернее, множество пород в нем намешано. Даже на меделяна [4 - Меделян – вымершая древнерусская порода собак.] немного похож этой жесткой шерстью, словно бы наморщенной мордой и обвисшими ушами. Хотя, кажется, этой породы уже не существует, она чуть ли не в середине XIX века вымерла, когда в России запретили псовую травлю медведей.

Да, вообразите, и тогда заботились о сохранении редких видов, и еще как заботились! Маша знала о меделянах потому, что дед ее был великий собачник, собравший множество книг о породах собак (все они, к несчастью, сгорели вместе с домом). Маша в детстве их с удовольствием читала.

Каких только породистых и беспородных псов у деда не побывало! Очень может быть, что эта псина – потомок каких-нибудь Найды, Сильвы, Букета или Джульбарса, которые некогда бегали по дедову двору под знаменитой березой. Вдруг в нем тоже пробудилась родовая память, и он узнал Машу, хоть даже и не видел ее никогда, потому и бросился к ней так восторженно?

Нет, глупости, пес просто оголодал до невозможности, умирал от жажды. Может быть, он к кому угодно с таким пылом кинулся бы!

Может быть. А может, и нет...

Впрочем, нет смысла гадать о его прошлом, лучше подумать о будущем. Что же с новым знакомцем теперь делать? Ладно, пока Маша возьмет его в деревню, а дальше видно будет.

Между тем пес наелся, и его с голодухи так же разморило, как Машу недавно в поезде: он уткнулся мордой в лапы, закрыл глаза, засопел – ну еще чуть-чуть, и замурлычет, как Маська!

Маша собрала посуду, покачала головой, сообразив, что чай пить ей придется прямо из термоса: из крышки-то хлебал пес.

– Эй, родимый! – легонько потрепала его по загривку Маша. – Не спи, замерзнешь! Пора идти.

То ли пес испугался, что замерзнет, то ли решительно не желал идти в Завитую, но он подскочил как ужаленный и встал поперек тропы, слегка оскалившись.

Бывает, что собаки скалятся в «улыбке», но улыбку это мало напоминало! Он рычал, показывал зубы, бился головой в Машины коленки, однако не так, как это делал вчера ласковый Карлуша, а ожесточенно, яростно, и она наконец поняла, что пес не просто не хочет идти в Завитую, а очень сильно, ну просто страшно не хочет.

Видимо, именно в Завитой ему досталось от кого-то из тамошних жителей, именно там его кто-то посадил на привязь и морил голодом и жаждой, догадалась Маша. Что же за злодеи там обитают? Надо надеяться, впрочем, отыщутся там не только злодеи, а даже если и только, это прежде всего значит, что Жука все-таки нагло наврал насчет заброшенной деревни.

– Ничего, братец, – сказала Маша ласково. – Я тебя в обиду не дам! Если хочешь, пристегну свой ремень от джинсов к твоему ошейнику, и ты пойдешь по команде «рядом», как порядочный пес.

Мало шансов было, что пес поймет, но он, во всяком случае, старался: смотрел на Машу внимательно и как бы даже одобрительно, однако когда она принялась расстегивать ремень, задрожал, припал к земле, прижал уши, поджал хвост.

– Все с тобой ясно, – пробормотала Маша. – Тебя били ремнем. Но успокойся, это уже в прошлом, забудь! Я просто пристегну ремень, просто при-стег-ну!

Однако некоторые тяжелые впечатления, видимо, остаются, незабываемыми не только у людей, но и у животных, поэтому Маше пришлось потратить немалое время, прежде чем удалось взять пса на поводок.

И тут выяснилась одна интересная вещь.

Пес не просто решительно не хотел идти в Завитую. Еще более решительно он не хотел, чтобы туда шла Маша! И твердо вознамерился ее туда не пускать.

Он вырвался из Машиных рук и, волоча за собой ремень, принялся ее переубеждать всеми доступными ему способами. Ложился поперек дороги, поднимался на задние лапы, толкая передними Машу в грудь, причем изрядно выпачкал ее куртку и майку, злобно и отчаянно лаял...

Неведомо, чем бы все это кончилось, если бы пес не зацепился концом ремня за какой-то сук обширного куста, за которым Маша пыталась скрыться, и не застрял накрепко.

Рвался, метался, рычал, выл, лаял, даже пытался дотянуться до ремня зубами и перегрызть его, однако ветки мешали.

– Угомонись, – сказала Маша с жалостью. – Только себе навредишь, а меня все равно не переубедишь. Я только взгляну на Завитую одним глазочком, сделаю несколько фоток – и назад. Хотела потом вернуться короткой дорогой, к Киселихе, но ладно, приду за тобой. Так что потерпи часок. Все, я пошла, до встречи. Не дергайся и береги голос!

Впрочем, вряд ли пес слышал эти благие советы, потому что лаял, выл, визжал – неистовствовал, словом, и долго еще до Маши долетали эти полные горя и отчаяния звуки, заставляя ее ускорять шаги, чтобы обернуться туда-сюда

поскорей и не заставляй бедную псину надрываться.

Вопрос, что она будет делать с приبلудной и такой симпатичной собакой дальше, учитывая неоспоримые права Маськи, елозил в сознании все назойливей, но его удавалось пока задвигать в дальний угол.

Все проблемы надо решать по мере поступления и по степени их актуальности, а в данный момент самой актуальной проблемой сделался туман, который вдруг начал наползать на тропу, словно бы исходил из-под корней огромного старого дуба с узловатыми ветвями.

В стародавние времена

Прошло сколько-то лет, Антип подрос, и подросла в его душе зависть к дядьке. Задумал он сам стать колдуном, но как это сделать?! Черномазый обещал свои секреты открыть, когда Антип повзрослеет, да сколь уж взрослеть-то можно? Сколько можно ждать? Этак до старости доживешь, а ничего не получишь!

Долго не думая, пошел Антип в полночь на кресты, отыскал ту палку, которую Черномазый туда некогда забросил, да и взялся за нее. Немедля появились замученные бездельем бесы и стали просить, чтобы он их отпустил, чтобы велел перестать за палку держаться.

- Ладно, отпущу, - говорит Антип, - а что мне за это будет?

- Станем служить тебе по гроб жизни, как настоящему колдуну! - запищали бесы.

Ну, Антип хорошо знал, как своей службой бесы и в самом деле в гроб загнать человека могут, но сделал вид, что согласен.

- Хорошо, я вас отпущу, - говорит, - только научите меня, как колдуном сделаться.

- Это просто, - отвечают бесы. - Надо подождать, пока твой дядька помирать станет, да и взять у него у умирающего что-нибудь из рук. Так его волшебная

сила к тебе и перейдет.

Выслушал Антип этот совет, размахнулся да и забросил палку вместе с бесами снова туда, где она лежала. А сам пошел домой.

Но Антипу ничуть не хотелось ждать, пока Черномазый помрет своей смертью. Может, ему веку сто лет отмерено, чай, не переждешь! Да, парень терпению был не обучен...

И решил Антип убить дядьку. Нет, отомстить за отца у него и мыслей никогда не было, он про семью свою родную и не вспоминал никогда! Прикончить Черномазого захотел, чтобы поскорей его место занять.

А было дело, тот обмолвился: убить-де колдуна или ведьму можно, только ударив его тележной осью по спине. Правда, потом что-то заюлил, стал бормотать, дескать, никто ничего толком не знает... Но Антип решил все-таки попытать удачу. Взял тележную ось (на всякий случай еще и ножичек заточил повострей!) и пришел со своими орудиями домой, надеясь застать дядьку врасплох.

А надо сказать, что колдуны узнают о своем смертном часе еще за три дня до того, как он настанет. Узнал об этом и Черномазый. А еще – с тех самых пор, когда только поверстался [5 - Здесь: определился (старин.).] в колдуны! – было ему ведомо, что убьет его человек из проклятой им семьи, ибо злое слово не только на проклинаемого падет, но и на проклинающего обернется. Для того он Антипа при себе и держал, чтобы подготовиться к смерти, да и отомстить заранее своему убийце, который ни в чем отказу при нем не знал и которого он из нищеты и голода вырвал. Все-таки брала его горькая обида за неблагодарность Антипову, и знал он, что рано или поздно страстное желание стать колдуном непременно «племяшу» боком выйдет! И еще каким боком!

Поэтому Черномазый зачаровал страшным, последним, предсмертным чародейством свой красный кушак, пожелав, чтобы у Антипа ни в чем довольства не было, чтобы вся кровь, которую он в жизни прольет (а ведь единожды начавши лить ее, уже не остановишься, коли не покаешься, но к чему-чему, а к покаянию Антип не был склонен!), против него обратилась, чтобы мечтал он о смерти, как о спасении, и чтобы получил ее от рук своего же потомка, как Черномазый от рук Антипа получил. Хоть тот не был ему родным,

но колдун к мальчишке относился как к родному, не зря же племяшом кликал!

Вот пришел Антип домой, видит – Черномазый спиной к нему стоит. Собрался с духом – да и ударил его поперек спины тележной осью!

Тот рухнул и начал помирать. А поскольку колдун, как уже было сказано, просто так помереть не может, кричал Черномазый в голос, да так, что стены ходуном ходили. Это в первый раз слышал Антип крик и стон предсмертный, в то время это ему еще в новинку было, потом-то попривыкнет, еще не единожды наслушавшись! Наклонился он к дядьке и говорит:

– Дай мне что-нибудь свое да помирай поскорей!

Тут Черномазый сунул ему в руку зачарованный красный кушак, а потом испустил дух свой грешный и коварный.

* * *

Не то чтобы это был такой серьезнейший, непрогляднейший туманище, какие часто случались на Волге, когда к толпе дачников, ожидавших посадки на каком-нибудь дебаркадере, вдруг, после мощного рычания и хлюпанья, вываливался из сплошной белой завесы «Метеор», словно диковинный водоплавающий зверь.

Сейчас перед Машей реяла блеклая, тусклая, почти прозрачная, словно бы сильно прореженная кисея, мотающаяся под ветром, как слабо натянутая паутина, и девушка брезгливо сторонилась, когда ощущала ее влажное и скользкое прикосновение.

В этом было что-то мерзкое, что-то наводящее на мысль о смерти...

В газете, в которой работала Маша, был раздел «Страшилки-ужастики». Известное дело, чем благополучней люди живут, тем с большим удовольствием навешивают на свое сознание всякие пугающие девайсы. То им власть не во власть, то цены не в цены, то радужные сны не в сны – непременно охота, чтобы кошмары снились!

Вот для этих любителей вонючей говядинки, как некогда характеризовала подобных, не удовлетворенных простым человеческим спокойствием особой Машина бабушка, и существовал в газете вышеназванный раздел. Само собой, материалы его тонким вкусом не отличались, редакторы над ними особо не измудрялись, а черпали из всеядного интернета. Маше, понятное дело, как корректору, приходилось все эти надрывные фантазии читать не просто внимательно, а очень внимательно, дабы не пропустить ни одной ошибки. И вот сейчас ей в голову невесть почему вдруг нагло втиснулась какая-то жуткая байка о какой-то девушке, которая сняла приличную квартиру – ну всем себе приличную, вот только под ванной что-то порою неприятно шебуршало.

Девушка решила, что это крысы резвятся, купила крысиной отравы и насыпала ее под ванну. Ночью ее сон ничто не тревожило, и утром она спокойно ушла на работу, однако, воротясь поздним вечером, наклонилась над ванной, чтобы умыться, – и вдруг что-то сырое, липкое схватило ее за щиколотку.

Глянула – а из-под ванны ползет блеклый редкий туман, из которого высунулась осклизлая, с облезшей кожей, костлявая рука и держит девицу за ногу поистине мертвой хваткой! Насилу, бедняжка, вырвалась!

Потом выяснилось, что хозяйка квартиры когда-то давно не поладила с мужем – да и убила его обушком топорика, потом лезвием того же топорика изрубила спутника жизни на кусочки и замуровала под ванной, объявив его ушедшим от жены и невернувшимся. Ну бывает же, господа, такое, чтобы надоела жена!.. Однако расчлененный покойник оказался беспокойным, пытался хоть частично выбраться на волю, вот его руке это и удалось!

Легко вообразить, как чувствовала себя несчастная девица, когда ее коснулась мертвая длань. Схожие ощущения возникли и у Маши, когда сырая, блеклая паутина тумана прильнула к ее лицу! Ее словно бы судорогой всю свело, от сердца до мозга, от кончиков волос до самой последней жилочки и поджилочки, суставчика и подсуставчика, ежели вспомнить лексику русских заговоров!

Но в следующий миг это ощущение исчезло, и сквозь туман до Маши донеслись звуки вполне живой жизни: тархтел мотор трактора, кудахтали куры, мычала корова, раздавался детский смех, вяло перебранивались какие-то женщины, скрипел колодезный ворот...

Раньше, когда Маша жила в Завитой, она и не замечала, как звучит деревенская жизнь, как празднично и весело она звучит! Страх исчез, будто его и не бывало. Маша стояла и растерянно улыбалась, вслушиваясь и вглядываясь, пытаясь хоть что-то разглядеть в редящем тумане.

Ну и Жука! Ну и жук! Ну и жучара! Зачем, зачем, зачем он так гнусно наврал? С какой целью?

– Почему он так не хотел, чтобы я сюда попала? – пробормотала Маша – была у нее такая привычка, которую рано или поздно приобретают все одинокие люди: говорить сама с собой.

И вдруг, будто в ответ, раздался издевательский, протяжный, словно бы мемекающий женский хохот.

Маша так и подскочила! Принялась испуганно озираться. Бросила взгляд на землю и увидела какие-то странные отпечатки копыт. Не коровьих, не конских, а незнакомых... нет, чем-то знакомых, она вроде бы уже видела что-то подобное... или нет?

Тут сзади зашуршала трава, затрещали кусты, и с громким лаем буквально на Машу вывалился тот самый пес, которого она полчаса, ну, максимум минут сорок назад оставила вроде бы прочно застрявшим в кустах. Однако прочность ремня не устояла против натиска песьего характера и его желания во что бы то ни стало преградить Маше путь в деревню! Он опять начал было исполнять свою обязательную программу, но вдруг отскочил от девушки и громко залаял, устремив весь пыл своей ярости на черную козу, которая стремительно прорвала завесу тумана и замерла, нагнув голову и постукивая копытцами о землю. Вот на них-то, на эти копытца, забыв обо всем на свете, и уставилась Маша.

Во-первых, именно их отпечатки она только что видела на земле, а во-вторых, именно такими копытцами заканчивались ноги той страшной женщины, которая недавно явилась Маше во сне и которая погубила Ивана Горностая!

Воспоминание об этом чарующем имени, словно порыв ветра, пронеслось вокруг Маши, закружило ее, и она вдруг с отчетливым ошеломлением поняла то, в чем даже себе не признавалась: искусило ее идти в Завитую, сделало это желание неодолимым не столько вдруг проснувшаяся память детства и ностальгия по

прошлому, а имя Ивана Горностая, стремление помочь ему!

Поступившись, напомним, укоренившимися принципами!

Коза между тем неприятно замекала, угрюмо глядя на Машу продолговатыми черными глазами.

Маша удивилась. Не то чтобы она в козах хорошо разбиралась, но черноглазых коз видеть ей еще не приходилось.

– Чего тебе? – опасливо спросила она, и ответом было мемеканье погромче, которое звучало довольно угрожающе.

Пес залаял.

Это напоминало диалог – не понятный дословно, но вполне ясный по смыслу. Происходило выяснение отношений или шел поиск ответа на вопрос, кто здесь круче.

Наконец коза как-то странно покачала головой, такое впечатление, обреченно, смиряясь, – и, развернувшись, потрусила в деревню, виляя куцым хвостиком и оставляя в пыли следы, однако они мгновенно исчезали.

Коза была, а следов не было!

Пес отклеился от Машиных колен и посмотрел на нее снизу вверх с таким выражением, словно хотел сказать: «А ведь я тебя предупреждал! Я тебе именно об этом лаял!»

И честное слово, если бы не имя Ивана Горностая, которое продолжало дурманить Машину голову, она сейчас обязательно прислушалась бы к псовым предупреждениям!

Но (как говорил дед, откидывая задний борт грузовика, на котором он работал) назвался груздем – полезай в кузов! И держись крепче!

Вслед за этим он подхватывал внучку и забрасывали ее в грузовик. Маша долго потом размышляла, почему она все-таки груздь, и по сей день эта пословица имела для нее именно такое значение: неведомо, почему она груздь, однако дед посадил ее в кузов своей машины, а значит, деваться некуда! Надо храбриться и делать вид, что ей страшно нравится сидеть в кузове скачущей по ухабам древней «полуторки»!

И держаться крепче за борта...

Сейчас никаких бортов в обозримом пространстве не имелось, поэтому она положила руку на голову псу и сказала:

- Делать нечего, брат, мне нужно в Завитую, а ты для себя все решаешь сам.

Пес мученически завел глаза, тяжело вздохнул и поплелся рядом с Машей, изредка касаясь теплым боком ее ноги, то ли у нее черпая бодрость этим прикосновением, то ли бодрость вселяя в нее.

Правда, иногда Маше казалось, что он просто-напросто вдыхает аромат шарфика, торчащего из кармана курточки. Ну что сказать, желтые «Барберри викэнд» – отличные духи!

Из дневника Василия Жукова, 1930 год

Тимофей уверял, что я найду то, о чем он говорил, в доме с покосившимся петухом на коньке крыши. Но беда в том, что такого дома я в Завитой не обнаружил, хотя не раз обошел каждый и осмотрел – с земли, понятно, – все крыши. И никто мне не мог рассказать об этом доме, потому что никто о нем не слышал и никто его не видел никогда. Расспрашивать приходилось очень осторожно, потому что после пары прямых вопросов на меня стали поглядывать с опаской, как на сумасшедшего. Но Тимофей уверял, что дом этот чуть ли не у околицы стоит, окна у него такие... низкие, со ставнями. В угловой камере того дома должен находиться сундук, а в нем лежат сокровища, которые полицейский унтер-офицер Иван Горностаев намеревался отнять у атамана разбойничьей шайки Антипа Донжи и арестовать его, однако ни то, ни другое сделать ему не удалось: он сам попал в руки Донжи и был убит, после чего Донжа золото спрятал, однако заставил голову Горностаева сундук охранять, что

голова по сей день и делает. Сам Донжа исчез, и дочери его приемные, по слухам, помогавшие Донже в его грабительском промысле, тоже исчезли. Говорят, они были не просто девки, а оборотни!

Звучит, конечно, странно, сумасшедше даже... Но якобы Донжа еще в юные годы душу сатане продал, тот его и наделил колдовским даром. А для колдуна заставить мертвеца его волю исполнить – дело хоть и трудное, но возможное. Да и оборотней на свет произвести, конечно, тоже мог.

Предок Тимофея был одним из помощников Горностая, которые с ним вместе отправились в Завитую – Донжу имать, как выразился Тимофей. Со слов этого предка и рассказывалась у них в семье такая история.

...Добрались полицейские до Завитой. Шел Горностай впереди, за ним следовали его подчиненные. Они уже добрались почти до околицы, уже близко был тот дом, где обосновался и творил свои злодеяния колдун и разбойник Донжа, как вдруг появляется на перекрестке не то девка, не то баба, платком принакрытая. И при виде ее у полицейских, которые следовали за Горностаем, словно бы ноги отнялись! Горностай идет вперед, зовет их, они его видят, зов его слышат, а сами за ним шагу шагнуть не могут. А эта, в платке которая, на перекрестке взмахивает двумя палками против луны и кричит: «Иван Горностай!»

Тут стемнело в глазах у полицейских, и так стояли они, ничего не видя и не в силах ни рукой, ни ногой шевельнуть, пока не наступило утро. Слышалось им только козье мемеканье в два голоса: один звучал жалобно, другой насмешливо... Но вместе с солнечным светом вернулись к ним силы, кинулись они в дом злодея Донжи, начали по комнатам шнырять, шарить по углам, да ничего не нашли. Все вверх дном перевернули, но ни монетки, ни камушка – ничего из награбленного добра не сыскали! И никого в тех комнатах тоже не нашли... Ни Горностая, ни Донжи, ни дочек его приемных, Глашеньки да Марусеньки, не обнаружилось, да и козочек, что мемекали на перекрестке, тоже не было нигде.

Полицейские разгневались и уже решили было в ярости поджечь воровское гнездо, да вошли в какую-то каморку и увидели там запертый сундук. Сорвали замок, подняли крышку – а внутри лежит на белой холстине отрубленная голова с буйными черными кудрями да золотой серьгой в левом ухе!

Горностая голова! Ивана Горностая!

Обомлели полицейские, это понятно. Обомлели, пролили слезы над гибелью своего храброго вожака...

Глядели они на него, глядели, крестились, крестились, да наконец нашелся среди них кто-то или слишком храбрый, или слишком любопытный: решился приподнять холстину. Блеснуло золото, горой в сундуке наваленное... и немедленно этот человек пал мертвым рядом с сундуком! Еще кто-то сунулся узнать, что ж он там такое увидел, – да и он рухнул мертвым, только взглянув на золото. Отшатнулись двое оставшихся полицейских от сундука, переглянулись – и наконец увидели на стене надпись, сделанную чем-то красным, не иначе – кровью, да еще не понять, на каком нечеловеческом языке.

Грамоте оба хожалых [б - Старинное название низших полицейских чинов.] не шибко разумели, а уж если слова какими-то тарабарскими буквами написаны, то им вовсе было сего ни в жизнь не прочитать. Одно они поняли – если надпись кровавая – значит, залято сокровище! На погибель залято! А голова Горностая положена его охранять.

Известно: тайно зарыть клад в неприметном месте или где-то его спрятать – еще полдела. Чтобы никто не смог откопать сокровище, его непременно надо было залясть.

Обычно клад прятали, убив при этом несколько человек. Их головы закапывали в землю вместе с сокровищами, чтобы с этого момента призраки убитых крепко стерегли схороненное богатство. И добраться до него, независимо от давности лет, удастся только прикончив на этом месте столько же невинных людей, сколько отрезанных голов лежит в земле над кладом.

Сверху сокровища в сундуке Донжи лежала одна голова – Ивана Горностая. Но, судя по тому, что желающие взглянуть на золото пали мертвыми, еще сколько-то людей предстояло убить, чтобы взять сокровище.

А сколько?! И где это узнать?!

Словом, бросились полицейские прочь. Страху на них увиденное нагнало такого, что бежали они и от дома, и от Завитой сломя голову и не чуя ног, а вслед им

неслось злорадное козые мемеканье.

Один из полицейских накрепко завязал язык, ну а другой со временем начал болтать. Неведомо, находились ли еще охотники поискать зачатое сокровище, однако чужих в Завитой больше не видели. Да и местные жители в тот дом не совались, потому что каждому, кто только собирался это сделать, являлись на пути две черные козочки и преграждали путь рогами. И тогда храбрецы поворачивали обратно, сами страху натерпевшись и другим свой страх передавая...

Вот что рассказал мне Тимофей перед смертью, завещав мне найти дом Донжи и прочитать то, что на стене было написано кровавыми загадочными буквами. Тимофей не сомневался, что там и значатся верные указания. А буквы, небось, самые обычные, неграмотным полицейским со страху тарабарская грамота померещилась.

Но как же прочесть эту надпись, если дом пропал, словно никогда и не стоял близ околицы? И никто в Завитой не имел никакого представления о том, как и когда он исчез. Да и про Ивана Горностая никто здесь теперь и слыхом не слыхал. Это событие словно стерлось из памяти каждого! А мне, бывшему штабс-капитану Василию Жукову, эту память предстояло восстановить.

...Перечитываю эти строки – и диву даюсь сам себе. Как можно было поверить во все это?!

Я бы и не поверил – если бы не сказал мне это Тимофей перед смертью, в тот страшный миг, когда душа его отлетала. А потом он побожился с последним вздохом... А в этот миг, да еще с именем Бога на устах, люди не лгут.

* * *

Завитая по-прежнему звенела звуками и голосами, однако ни одного человека Маша пока не видела, и холодок страха опять пробежал по спине, но вот мелькнул в огородах один обширный бабий зад, другой – шла прополка, зазвенели ведра – шла поливка, долетел сладкий аромат – где-то варили

земляничное варенье, – и Маше стало поспокойней.

Деревня жива!

Появилась молодая женщина в ситцевом линялом сарафане, несшая на коромысле ведра. Маша хотела было заговорить с ней, однако ведра были еще пустые, поэтому наша героиня сочла за благо придержать шаги, и молодка, не обратив на нее внимания, свернула к колодцу.

Пройдя несколько шагов по пустынной главной улице: вот клуб, а вдали старое здание начальной школы (как ни странно, и клуб выглядел гораздо лучше, чем прежде, и школу подновили, жаль только, деревянные тротуары зачем-то сняли, должно быть, они вовсе разрушились), Маша свернула в знакомый проулок, так разволновавшись при этом, что пришлось прижать руку к сердцу и провести соответствующую психологическую обработку.

Сейчас она увидит развалины, обугленные развалины, сплошь заросшие одеревеневшим уже будылем. Она знала, что ее ждет печальное зрелище, и мысленно готовилась к этому, однако вся подготовка пошла прахом, потому что вместо трагической картины, так мучительно уязвлявшей ее воспоминания, она увидела целый-целехонький бабушкин дом и двор, чисто выметенный, посыпанный песочком, а главное, любимую березу, ту самую, в два ствола! И сладко пахло земляникой – наверное, хозяйева варили варенье. И, может быть, пекли пирожки с ягодой... Как бабушка.

И стекло, стекло на веранде целое! Сколько Маша себя помнила, оно было треснувшее, заклеенное синей полоской изоленты, и мама его таким же помнила, а дед рассказывал, что лет за пять до войны, когда дед еще мальцом был, приехал на побывку его дядька, красный командир. После веселой ночи вышел на крыльцо, нетвердо держась на ногах, покачнулся – да и шарахнул локтем в стекло. А в те времена вот так, сразу, стекло новое достать в деревне было невозможно, будь ты даже красный командир, да и подумаешь, не на фасаде же стекло разбилось, в сенцах всего-навсего, так стоит ли особо суетиться! Про изоленту в те годы еще и слыхом не слыхали. Наклеили газетную полоску на мучной клейстер, да и ладно, а уже потом, в 50-х, когда полегче стало жить, разжились изолентой и заклеили стекло «насовсем», ибо в России нет ничего более постоянного, чем временные сооружения!

Вопрос такой: почему стекло сейчас не разбито, почему дом стоит целехонек и береза еще не сгорела?

Со времен пожара прошло двадцать лет. Конечно, за это время можно было отстроить новый дом, и вставить новые стекла, и даже березу посадить у калитки, но как сделать так, чтобы новый дом оказался точной копией старого и чтобы береза уже вымахала выше крыши да точно так же раздалась в два необъятных ствола?!

Не сводя глаз с этой удивительной картины, Маша приникла к калитке, постоянно чувствуя ногой теплое тело пса.

– Как же мне тебя называть, дружище? – пробормотала она, как будто это было самым важным вопросом, решить который нужно было непременно сейчас.

Пес задрал голову и тихо сказал:

– Гав!

– Отлично, – обрадовалась Маша, – если одного из трех первобытных робяток, которые боролись за огонь, можно было называть Гавом, то почему нельзя так назвать пса? Как бы сам Бог велел. Только давай договоримся – без команды не стрелять, под ноги не соваться, без моего разрешения в бой не ввязываться.

В эту минуту дверь из сеней распахнулась и на крыльцо, позевывая, вышел кряжистый бритоголовый человек в гимнастерке.

Маша уставилась на него удивленно – гимнастерка показалась ей какой-то странной. Она топорщилась, воротник у нее был какой-то не такой, и вообще... Не то чтобы наша героиня была таким уж специалистом по военной форме, то есть вообще никаким специалистом она не была, и все же что-то насторожило ее.

Мужчина смотрел прямо на Машу и теоретически вполне мог бы поздороваться, да и она могла бы это сделать, но почему-то молчала, и так они молча созерцали друг друга, причем у Маши внезапно возникло неприятное ощущение, что этот человек ее не замечает: смотрит как бы сквозь нее.

«Может, он с такого бодуна, что ничего перед собой не видит? – насмешливо подумала Маша. – Но все-таки, что такое с его гимнастеркой?»

В эту самую минуту незнакомец повернулся, качнулся, взмахнул рукой, попытался удержаться на ногах, но, хоть равновесие и поймал, также поймал локтем окошко сеней. Раздался звон, на стекле появилась извилистая трещина, послышался крепкий матерок, и человек в гимнастерке ушел в дом, потирая локоть, над которым Маша увидела две нашивки на рукаве.

Нашивки на рукаве! Погон на плечах нет! На воротнике гимнастерки какие-то полосочки, и сама гимнастерка не приталенная, а чем-то похожа на распашонку... почудилось, где-то на задворках памяти кто-то произнес казенным голосом: «Малиновые канты на воротнике – пехота!»

Помнится, был у них в газете материал о том, когда появились погоны на советской военной форме и что значили предшествующие им петлицы и нашивки. С тех пор и запомнилось.

Может, это артист? Может, в Завитой появился театральный кружок?!

У Маши сначала перехватило горло, но она прокашлялась и только приготовилась крикнуть: «Извините, погодите, можно вас спросить?» – как за спиной раздалось сердитое бормотание:

– Не вздумай заговорить тут с кем-нибудь. Домой никогда не воротишься, если рот не замкнешь! Гляди как!

Маша резко повернулась. Перед ней стояла черная коза, за которой влачилась тень, но это была не тень животного, а тень женщины в длинной юбке, бесформенной блузе и низко надвинутом платке.

Та самая серая тень, которую Маша видела на старой фотографии и которую приняла за брак пленки!

Внезапно тень поднялась с земли, соединила указательный и большой пальцы левой руки, сделав такое движение, словно надела это колечко на выпяченные губы, и в то же мгновение сжала пальцы в кулак.

В глазах у Маши помутилось, но женский голос продолжал звучать:

– Берегись съесть чего или выпить воды не из заброшенного колодца!
И Глафиры берегись, сестрицы моей. Она вроде меня, только глаза желтые!

Маша тряхнула головой, в глазах прояснилось, и она увидела черную козу, за которой не влачило никакой тени, а только серое бесформенное пятно.

Но где же та тень, которая показывала Маше, как закрывать рот на замок?!

Ого, сколько таких вопросов уже можно задавать! И не получить на них ответа...

Между тем человек в гимнастерке снова появился на крыльце, сердито посмотрел на треснувшее стекло, сбежал по ступенькам и пошел со двора через калитку, рядом с которой замерли Маша и Гав. Он прошагал между ними, чуть ли не сквозь них, как если бы они оба были бесплотны, и Маша прижала одну руку ко рту, чтобы удержаться от восклицания, а другой стиснула морду Гава, чтобы удержать его от рычания.

Впрочем, похоже, пес все понимал правильно, а потому молчал мертво, хотя и дрожал частой дорожкой, изредка поглядывая на Машу с тем же укоряющим выражением: «А ведь я тебе лаял! Я ведь тебя предупреждал!»

Маша только кивнула. Сейчас ей больше всего на свете хотелось броситься отсюда наутек. Но как же Иван Горностаи?!

Она уже не размышляла о том, почему это имя столь неодолимо властно над ней. Она сейчас вообще ни о чем не размышляла, ничего не пыталась понять. Так человек, в разгар солнечного дня попавший под дождь, не тратит времени на осмысление того, откуда подул ветер и с какого края земли принесло тучу: он просто пытается не промокнуть – или хотя бы промокнуть как можно меньше. Он просто-напросто приспосабливается к обстановке.

Вот так же пыталась поступить и Маша.

Кстати, поведение Гава тоже вдруг изменилось. Если раньше он пытался остеречь Машу, то теперь явно побуждал ее к каким-то действиям. И как побуждал! Вцепился в ее брючину зубами и потянул куда-то с такой решимостью, что Маша вынуждена была подчиниться, чтобы не остаться в рваных джинсах или вовсе без оных.

При этом она изо всех сил пыталась понять, что здесь происходит. Пока ясно одно – смешалась связь времен, как говорил Гамлет. Или он как-то не так говорил?.. Да не суть важно! Судя по виду этого дядьки, расколотившего стекло на террасе, судя по воспоминаниям деда о том, когда было разбито стекло, местное время – незадолго до Великой Отечественной войны.

Но при чем здесь Иван Горноста́й с его доисторической пистолью?

При чем здесь ведьма-коза?!

А кстати о козах. Черная и черноглазая коза то и дело мелькала поблизости...

Гав тем временем решительно свернул в проулочек (Маша вспомнила, что именно этой тропкой между двумя высокими заборами, затянутыми вьюнками и хмелем, словно зеленой благоухающей паутиной, она когда-то добегала до Жукиного дома, а потом они вместе мчались к Галочке, которая жила за школой... память детства воскресала, будто сбрызнутая живой водой!), но тотчас рухнул поперек дороги, невообразимо быстрым и выразительным взглядом дав понять Маше, что она должна поступить так же.

Девушка послушно присела, скорчилась, потом осторожно приподняла голову, выглянула – и увидела, что по улице, по этой пыльной деревенской улице, не принадлежавшей никакому времени или, в крайнем случае, принадлежащей безнадежно минувшему прошлому, едет джип.

В стародавние времена

Стал Антип жить колдуном. Народ его, конечно, боялся, особенно когда люди заметили, что подпоясывается он кушаком Черномазого, но все же не обрел Антип того могущества, о котором мечтал!

Порчу кое-как навести у него получалось, однако любой другой колдун мог ее снять.

Попытается свадебный поезд зачаровать – позовут доку [7 - Дока – знаток. умелец; одно из названий колдуна или знахаря (старин.).] из соседней деревни, тот наговор снимет, а потом поезжане самого Антипа дубьем угостят... И бесов на помощь не призовешь – той палки, к которой они были причарованы и которая была на росстанях выброшена, Антип отыскать так и не смог!

Пожалел он, что дядьку убил, но не потому, что пожалел его или свершенного греха убоился, а потому, что ничему от него научиться так и не успел! Надо было, конечно, смирить себя да подождать еще, но уж все, сделанного не воротить!

Стал он думать: как быть, кого бы на подмогу себе позвать, у кого мастерство перенять? И надумал попросить помощи у одной ведьмы, которая жила верстах в десяти от Завитой. Звали ее Маврой.

Эту ведьму даже покойный Черномазый побаивался, такая она была сильная. Прозвище у Мавры было – Молочная ведьма. Так называют тех колдовок, которые умеют молоко отдавать у коров, когда роса на траве лежит «молочная» – накануне Егорья-вешнего [8 - День св. Георгия – 6 мая по новому стилю, 23 апреля по старому.].

Вся округа знала: если у кого корова не доится или болеет, это непременно Мавра натворила. Сколько раз хозяйки зазывали Черномазого, чтобы оберег коров от пагубы! Известно, что в канун этого дня в обычае у ведьм бродить по крестьянским дворам, отворять ворота, срезать с них стружки и варить в подойниках. Это отнимает у коров молоко, ведьме же передает. Вот и просили хозяйки колдуна осмотреть ворота и, если увидит оставленные ведьмами нарезки, замазать их грязью, набранной у воротной притолоки.

Это лишает ведьмины старания их злой силы. Известно, что хоть колдуны и ведьмы одному хозяину служат, то есть сатане их души запроданы, все же они между собой вечно тягуются, силой меряются и норовят друг другу навредить, а также по возможности «испортить» каждому порчу.

Надумать-то Антон мог что угодно, да только как надуманное исполнить? За Маврой не больно-то уследишь в ее вредностях! Она иной раз не станет стружки с ворот срезать, а выйдет в ночь с Лукова дня [9 - Луков день - день св. Луки, 22 апреля - 5 мая.] на луга, расстелет на траве белую тонкую холстину. Как намокнут холсты, напитаются росой, так и сделаются пагубными для коров. Тогда заберется ведьма в коровник, накроет таким холстом скотину - тут к ней вся лихая болезнь и привяжется! И никакой колдун не поможет - надолго корова захворает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Спорина - удача (старин.).

2

Осознанное сновидение - некое пограничное состояние сознания, когда человек понимает, что видит сон, и может так или иначе управлять его содержанием. «Вечное сияние чистого разума» - художественный фильм, герой которого управляет своим сновидением.

3

Для Василия Жукова это начало XVIII в.

4

Медеян – вымершая древнерусская порода собак.

5

Здесь: определился (старин.).

6

Старинное название низших полицейских чинов.

7

Дока – знаток. умелец; одно из названий колдуна или знахаря (старин.).

8

День св. Георгия – 6 мая по новому стилю, 23 апреля по старому.

Луков день – день св. Луки, 22 апреля – 5 мая.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/dom-proklyatyh-dush>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)